AYLIK MECMUA

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ŞİMALÎ · KAFKASYA
СЕВЕРНЫЙ · КАВКАЗ

LE CAUCASE DU NORD

NORTH CAUCASIA

№ 1 mayis — 1934 — май № 1

İÇİNDEKİLER — СОДЕРЖАНИЕ

KALEM HAKKI VERİLMEZ
EL YAZILARI İADE EDİLMEZ

ГОНОРАР НЕ ПЛАТИТСЯ
РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

„ŞİMALÎ KAFKASYA"

MECMUASININ ABONE ŞARTI:

	6 aylık	1 yıl.
Avrupanın her memleketinde	0,75 dol.	1,5 dol.
Yakın ve Uzak Şarkta, Afrika ve Amerikada	1 dol.	2 dol.

Tek nushası 3 fransiz frankı.

Abone hakları mecmua müdürünün aşağiki adresine gönderilmelidir: Odyńca 35. Warszawa, Pologne.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА ЗА ЖУРНАЛ

„СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ" СОСТАВЛЯЕТ:

	на 6 мес.	на год
Во всех странах Европы .	0,75 долл.	1,5 долл.
В странах Ближнего и Дальнего Востока, Америки и Африки	1 долл.	2 долл.

Цена отдельного номера 3 фр. фр.

Подписную плату следует посылать по адресу редактора журнала: Odyńca 35. Warszawa, Pologne.

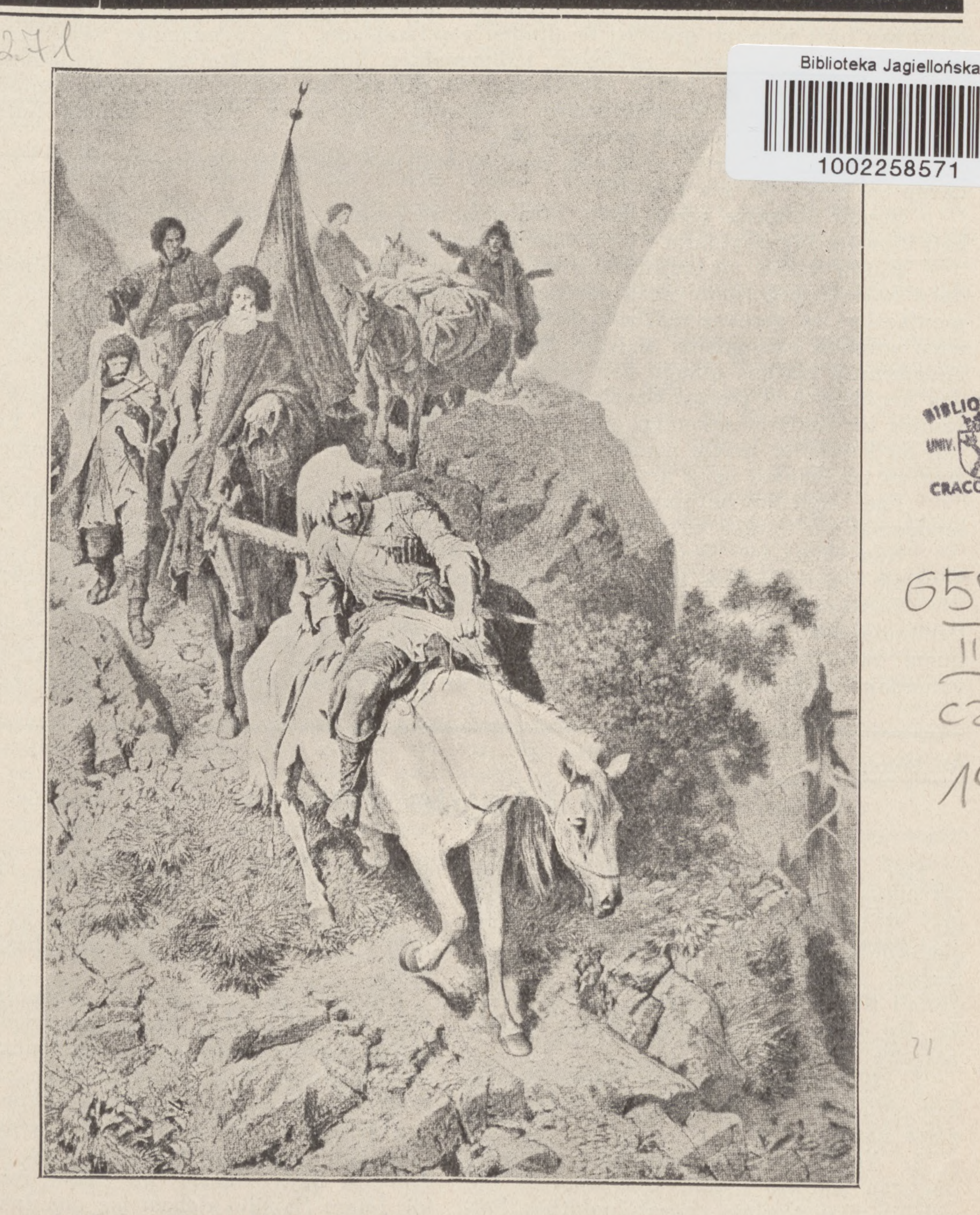
ŞİMALÎ - KAFKASYA

СЕВЕРНЫЙ - КАВКАЗ

LE CAUCASE DU NORD — NORTH CAUCASIA

ОРГАН НАРОДНОЙ ПАРТИИ ГОРЦЕВ КАВКАЗА

№ 1 MAYİS — 1934 — МАЙ № 1

Dağıstan dağlarında (Horşelt'in tablosu). — В горах Дагестана (картина Хоршельта).

* * *

„Şimalî Kafkasya" mecmuası, „Kafkasya Dağlıları" mecmuasının devamıdır. Unvanda yapılan bu değişiklik, Kafkasya Dağlıları Halk Fırkasının ideolojik cephesinde her hanği bir tebeddülün vukuundan ileri gelmiş degildir. Değisiklik, yalnız bu ideolojik cepheye daha ziyade doğru bir tarif vermek, ayni zamanda karilerimizin çoğu tarafından bu hususta izhar edilen arzuyu tatmin etmek maksadile yapılmıştır.

Bize hayrihah olmıyanlar, çok vakıt „Şımalî Kafkasya" mefhumunu tahrif ederek, bu muayyen coğrafî — siyasî istilâha, hakikata uymıyan bir mâna atfetmeğe çalışıyorlar.

Bu kabil tahrifler bir taraftan, ikinci defa olarak „Şimalî Kafkasya ülkesi" istilâhını benimsiyen ve bu unvani keyfî surette vücude getirdiği idarî zümrelere veren Sovyet hükûmeti, diğer taraftan da „Promete" milletlerinin müttehit cephesine dahil bulunmıyan bâzı muhacir grupları tarafından yapılmaktadır. Bu sonuncular, kendi neşriyatlarında „Şimalî Kafkasya" istilâhını kullanmaktan bilerek çekiniyor ve hududumuzun mühim bir kısmı için tarihde katiyen mevcut olmıyan bir unvan kullanmağa yelteniyorlarki, bu da mahiyeti itibarile Sovyet istilâhının tesbit etmiş olduğu „Şimalî Kafkasya ülkesi" gibi keyfî olmaktan kurtulamıyor.

İşte, mecmuamızın unvanında yapılan değişiklik bu kabil ayğırı zihniyetlere verilmiş cevaptan başka bir şey değildir.

Şimalî Kafkasya gerek tarih, maneviyat ve gerekse yurttaki hakikî kuvvetlerin nisbeti itibarile biz dağlıların—yerli şimalî kafkasyalılarındır.

Bütün tazyik ve mezalimine rağmen Rus emperyalizmi vaziyet ve mevkiimizi bir daha hakkıle doğrultamıyacak derecede sarsıtamamıştır. Gerek millî istikbalimizin hayatî menfaatleri ve gerekse mazimiz, kahraman ecdadımızın hatıraları vaz'iyetimizin doğrulması yolunda çalışmamızı âmirdir. Bunu yapmak millî bir borçtur. Unutmamalıyız ki, ecdadımızın akıtmış olduğu kan yalnız kayalarımızı sulamış değil ve kemikleri ancak dağ keçitlerindeki mezarlıklarda metfun bulunmıyor. Bulutlu ovalarımız bizce çok mukaddes bu kanlarla sulandığı gibi, mukaddes ve sayısız mezarlarla da doludur. Ve bütün bu kurbanlar tazyik namına değil, millî müdafaanın âdil ve ulu gayeleri namına tazyik ve tahakküme karşı açılan savaşta verilmiştir.

Eger ecdadımızın kanunlarına riayeti bir borç biliyor ve mazimize ruhen bağlı bulunuyorsak bu derece yüksek gayeler yolunda akıtılan kanları „almalıyız".

Kan yalnız bir şartla „alınmış" olacaktır. O şartia şudur: düşmanı ana yurttani kovarak ona mukaddes topraklarımıza kirli çizmelerile ayak başmak imkânını vermemek...

Düşmanı tekmil hudutlarımız dahilinden tardetmek ve müşterek Kafkasya ailesi dahilinde dostca yaşamak her zaman olduğu gibi, şimdi de esas gayemizdir. Mecmuamızın unvanını degişerek „Şimalî Kafkasya" yapmakla biz ancak bu hedefe kavuşmak yolundaki emelimiz daha ziyade sarsılmaz ve kuvvetli olduğunu göstermiş oluyoruz.

Ali Sultan

11 Mayis 1918

Her milletin hayatında, ona yeni inkişaf devresi açan, tarihî dönüm günleri vardır. Milletimizin hayatında böyle dönüm günlerinden birini 11 Mayis 1918 teşkil eder. Bugün, milletimizin salahiyettar vekilleri Şimalî Kafkasyanın istiklâlini ilan etmişlerdir. Bu münasebetle ittihaz olunan kararnamede deniliyor, ki:

1. Kafkasya dağlılarının ittifaki Rusyadan ayrılmaya ve müstakil bir devlet kurmaya karar verer.
2. Yeni devletin hududunu: şimalde Dağıstan ülkesile Terek, Stavropol ve Karadeniz vilayetlerinin cografî hudutları, Şarkta-Hazer denizi, cenupta ise teferrüatı Maverayı Kafkasya hükûmetlerile bilitilâf tayın olunacak hat teşkil eder.

Bu suretle, iki maddelik karar 11 Mayis 1918-i tarihimizin yeni devresine başlangıç yaptı.

Bu tarihî akdı icap ettiren sebepler üzerinde duracak olursak, her şeyden evvel yıllar uzunu ruslarla yürüttügümüz aktıf mücadele devri üzerinde Şeyh Mansurla Şeyh Şamilin zamanlarında durmamız icap edecektir.

Tarihimizde Şimalî Kafkasya devletçilik fikri, işte bu zamanlar dogmuş ve inkişaf etmiştir. Şeyh Mansur bu fikrin müessisi idi. İmam Şamilin dehası ise ona daha muayyen bir şekil verip tatbik etmiştir. Bu

devrin bize bıraktığı an'ane millî psikolojının sonraki inkişafına esas teşkil etti.

Mücadele etmek ve tehakküme boyun egmemek bu an'anenin esasını teşkil ediyordu. Bizden kat - kat fazla ve kuvvetli olan düşmanla yüz yıl kadar devam eden mücadeleyi başarmak imkânını bize veren ve mücadele devrinde bizi kat'î surette birleştirip 11 Mayis kararına götüren, işte millî psikolojımızın bu iki esası olmuştur. Ruhiyatımızdaki bu iki amilin mevcudiyetine rağmen, on dokuzuncu asırda mücadele aleyhimize olarak neticelendi ise, bunun sebebini, menşeini kabile ihtilafi teşkil eden ve tam birleşmemize mâni olan ruhî partikulyarizde aramak icap eder. Bu cihet, büyük vatanperver ve dâhi siyasetçi İmam Şamilin nazarını celbedip ona karşı çok mücadele etmişti. Fakat İmam Şamilin bile muvaffak olamadığı birlik esaret yıllarında kendi kendine ğeldi. Vatanın her kısmında ayni şiddeti icra eden tehakküm rejimi birleşme ameliyatına yardım ediyordu. Galeyan ve isyan devirleri aulların Sıbiryaya sürülmesi, kürek cezaleri ve ölüm kararları, bizim birleşme işimizi devam ettiriyorlardı.

İşte bu sebeptendir, ki 11 Mayıs kararına 1917 senesi Mayısında in'ikat eden ve Abhazlarda Şapsuglardan başlamış Açikulak isteplerine ve Dağıstan keçitlerine kadar bütün kabilelerin mümessil gönderdikleri birinci Şimalî Kafkasya kurultayının maruf kararnamesi tekaddüm etmişti.

Bu kurultayın tanzim ettiği millî programın mahiyeti şundan ibaretti:

„İnkılâbın temin ettıği hürriyeti korumak ve inkişaf ettirmek için Kafkasya dağlılarının birliğini takviye etmek, demokrası prensiplerini hayata tatbik eylemek ve bütün dağlılar için müşterek olan siyasî, içtimaî ve medenî — millî menfaatları müdafaa eylemek". (Mayis 1917 de kurultay tarafından tastik edilen „Kafkasya dağlıları ittihadının siyasî platformı ve programı)".

Bu sözlerde muazzam birligimizin sesi eşidiliyordu. Bu sözler, bir millet olduğumuzu idrak ettiğimize, millî ve siyasî rüşdümüze delalet etmektedir. O zaman millî irade bundan daha açık ve kesğin tesbit edilemezdi. Çünkü 1917 de vaki olan kurultay resmi ve açık kurultay idi. Unutmamalıdır, ki rus hükûmetinin eski mülkî ve askerî aparatı bütün Kafkasyada pozisyonlarını daha muhafaza etmekte idi.

Eski Rusyanın çöküş seyri mantikî neticeyi bulduğu zaman artık millî irademizin serbest izharına mâni olacak hiç bir kuvvet kalmamıştı; işte 11 Mayis o zaman geldi. 11 Mayis beyannamesinde, Şimalî Kafkasya, kendi millî hudutları dahilinde, müstakil millî hayat yaşamak için şuurlu bir irade göstermiştir.

Şeyh Mansurla Büyük Şamilin istedigini ve 1917 senesi Mayisında kurultayın çok ihtiyatlı lisanla kaydettiğini 11 Mayıs beyannamesi katlî ve muayen bir şekilde beyan etmiştir. Bu suretle 11 Mayis beyannamesi müvassak olarak millî teşekkülümüzü ikmal etmiş ve tesbit etmiştir, ki: biz muhtelif kabileler halinden, değil ki „kendi mukadderatını tayına hakki olan", hatta kendine tam devletî bir istiklâl talep eden, vahit bir millet olmuşuzdur.

11 Mayis 1918-in bizim için başlica kıymeti, işte bundan ibaretti. Ona göredir, ki bu günü biz, inkişaf tarihimizde tarihî dönüm günü, diye kaydettik. Bugünden itibaren Şimalî Kafkasyanın tarihi, sureti kat'îyede, ayrı — ayrı kabilelerin tarihi olmaktan çıkıp, kendine mahsus millî hayatla yaşamağa azmetmiş ve millî irade ile kaynamış vahit şimalî kafkasya milletinin tarihi haline gelmiştir.

Bizim için 11 Mayisın ehemmiyeti budur.

Fakat 1918 senesi Mayisından sonra biz 1919 Mayisını dahi yaşadık. Malum olduğu üzre 1919 senesi 23 Mayisından itibaren millî hükûmetimiz resmen yaşamamağa başladı ve netice itibavile biz gene istiklâlimizi kaybettik. Vatandaşlarımızdan bir çoğu bu ademi muvaffakiyetin sebebini bizim haricimizde ceryan eden ve bizim tesir etmemiz imkânsız olan hadiselerde görüyorlar. Bu fikir kısmen doğrudur. Gayri müsait haricî şerait, şüphesiz, vaz'iyetimizi müşkülleştirdi ve savaşımıza mahsus derecede müşkülat yarattı. Fakat biz bütün samimiyetimizle boynumuza almalıyız, ki ademi muvaffakiyetimizin başlıca sebebi bu değildir. Bu sebebi kendi içimizde, o zaman millî işler başında olup hareketimizi idare edenlerin içinde aramak icap eder.

Bu kadro milletimizin dımağını teşkil ediyordu Çünkü milletin münevver kısmını temsil ediyorlardı. Ona göre bu zümrenin vazifesi yalnız mühim zamanda hareketin başına geçip istiklâl ilan etmekten ibaret olmıyıp, hareket plânı tanzim ve bu iş için daha evvelce aktif millî kadro ihzar etmek dahi ona terettüp ederdi.

Maalesef, itiraf etmeliyiz, ki bizim rehber zümre vazifesini layikile ifa edememiştir. 1917 senesi ihtilâline kadar, millî kurtuluş ruhunde hiç bir ihzarî iş görülmemiştir. Bu sebeble — hareket hakkında hiç bir plan ve taktikleri mevcut değildi; kat'î zamanlarda ne yapa bileçeklerini evvelceden kestire bilen unsurlardan etraflarında bir kadro toplıyamamışlardı.

Bunun neticesinde, kat'î iş zamanı gelince, başta duran zümre halk kitlesini lâzim olduğu gibi teşkil edemedi. Halbuki halk kitlesi rus olan her şeye nefret ederdi ve bundan dolayı millî ruhte kolaylıkla aktivize edile bilirdi.

Rus liberallarının ve rus sosyalist demokrasisinin nüfuzu altında bulunan ve ekseren rus sosyalist fırkalarının doktrinlerini terviç eden o zamanki millî ricalimiz, mümessili iradesiz ve boşboğaz „diktator" Kerenski olan sosyalist-liberal rus muvakkat hükûmetinin metoduna uyğun bir metodla işliyorlardı.

Şüphe yoktur, ki bu metodla milletin itimadını kazanmak imkân haricinde idi. Çünkü milletimiz on yıllar süren esarete bakmıyarak, rus liberal ve sosyalist demokrasisinin terviç ettikleri şiarlara yabancı olan derin millî ruhunu koruya gelmiştir.

Halk kitlesile iktidar mevkiindeki rehberlerin ekserisi arasında mevcut olan bu facialı uçurum neticesinde bir takım törediler, seciyesizler ve provakatorlar halk içinde çalışmak imkânını buluyor, hainane faaliyetlerile millî cepheyi dağıdıp milletimizin kuvvetini parçalıyorlardi; netice itibarile bizi 23 Mayis 1919-e götürdüler ve 1921 senesi baharında vatanımızın kızıl ordu kıtaatı tarafından temamen istilâsına sebebiyet verdiler.

Geçmişin hataleri hali hazır ve gelecek için derstir. Onun içindir, ki 11 Mayisı hatırlarken ve millî hareketimiz için o günün ehemmiyet ve kıymetinden bahsederken, hezimetimizden ve ademi muvaffakiyetimizin sebeplerinden de bahsediyoruz. Bu sesebepleri etrafile anlamak sayesinde onların tekerrürüne mâni ola biliriz.

Haricî şerait istiklâlimize engel teşkil etmiyordu; Bilâkis bir çok cihetten yardımcı idi. Unutmamak lâzımdır, ki büyük cihan harbinde ve hıtamının ilk senelerinde dünyada umumî bir karışıklık (kaos) hüküm sürüyordu ve bu vaz'iyeti bir çok esir milletler istiklâl mücadeleleri için muvaffakiyetle istifade ettiler. Yalniz Lehistan ve Çekoslovakiya gibi çok milyonlu milletler değil, Şimalî Kafkasyadan ne nufusca, ne de erazice büyük olmıyan Estonya, Latviya, Litva ve Finlandiya gibi milletler de kurtarmağa muvaffak oldular. Bu millet ve devletlerin kurtuluş tarihlerini tetkik edeceğimiz zaman en bariz ve göze çarpan karakteristik cihet olarak idare eden zümrenin yüksek aktivitesile millî aktif kuvvetlerin de halk arasında sistematik faaliyetlerini görürüz. Utanalım, ki bu bizde olmamıştır ve ademi muvaffakiyetimizin başlıca sebebi de bu olmuştur.

Hali hazırda dünya, kıymetlerin yeniden takdir devrini yaşıyor. Her yerde revizionist temayüller hâkimdir. Hayatın eski şekilleri tenkide maruz tutulmaktadır. Ve çok yerde eski şekiller yerlerini yenilerine terkediyorlar.

Eski şekillerle beraber, o şekilde büyümüş ve o şekilleri tatbik eden eski nesiller de gidiyorlar. Yalnız mefkûrelerin ve metodların değil, insanların ve icra edenlerin de değişmesi vuku buluyor. Eski hayata girmiş ve bu hayatta bogulmuş olan eski nesil, aktif faaliyetten çekiliyor. Her yerde kuvvetli ve samimî heyecana müsteit ve taşıdığı mefkûre ugrunda her fedakârlığa hazır gençlik nüfuz kazanmağa başlamıştır.

Bu prensip bizim millî faaliyetimizde de tatbik edilmelidir. Vaktile millî faaliyetin başında iken, kurtuluşmuz için en musait olan zamanı lâzımınca istifade edemiyenler, bundan sonra millî işi idare edemezler. Geçmişe bogazlarına kadar gömülmüş ve hatalerini asla itiraf ve takdir etmiyen bu nesil bizi gene millî felakete maruz kıla bilirler.

Millî davamızda gelecek gençligindir. Yeni şekilleri kavramağa daha müsteit olan gençlik daha samimî ve daha hayatiyetlidir. Ve biz eminiz, ki bu gençlik, geçmiş neslin hatalerini tekrardan uzak, daha akıllı ve tecrübeli olur.

Gençliğimiz anlar, ki millî işin muvaffakiyeti için bir taraftan Vatanını sevenlerden kuvvetli bir millî kadro yaratmak, öbür taraf tan da geniş halk kitlesi içinde sistematik millî bir faaliyet göstermek lâzımdır.

Millete ve Vatana karşı beslediği derin iman Gençliğimizi bu yolda çalışmağa sevk ve tahrik edecektir. Ümit ediyoruz, ki o zaman, geleceği muhakkak olan yeni „11 Mayis" değil ki yenitarihimizin haşlanğıcı olur, belki, ayni zamanda halkımızın millî ve siyasî rüştünü gösteren bir gün, hakikî İstiklâl günü, istikbâli müemmen millî sevinç ve gurur günü olur.

Tebriz, Mayis 1934.

İSTİKLÂLİMİZİN YÖLU, KAFKASYA KONFEDERASYONA GİDEN YOLDUR.

ПУТЬ НАШЕЙ НЕЗАВИСИМОСТИ—ЭТО ПУТЬ К КОНФЕДЕРАЦИИ КАВКАЗА.

B. H.

Şimalî Kafkasya'nın resmî lisani ecnebi bir lisan olmamalıdır

Mecmuanın geçen nushasında (A.T.) arkadaşımız, müstakıl Şim. Kafkasya'nın kullanacağı resmî lisanın ne olacağını şimdiden tayin etmek için münevverler arasında bu hususun münakaşasını ve neticede müstacel bir karar alınması lüzumunu ileri sürüyör.

Devlet mefhumunun şürutu esasiyesinden birincisini teşkil eden resmî lisan mes'elesinin şimdiden tetkik ve hallini son asra gelinceye kadar tarihinde bir mağlubiyet hisetmemiş ve son mağlubiyetinin acısile çırpınarak hürriyet ve istiklâlını memleketinde almağa çalışırken içtimaî ve harsî noksanlarını ikmale çalışan Şimalî Kafkasya evlatlarının şüphe yok ki ilk içtimaî ve siyasî mebdei hareket olarak hedef ittihaz edeceği mes'ele müstakii Şimalî Kafkasya devletinin lisani resmisi olmalıdır.

Din, ırk, âdet, kıyafet gibi millet ve mefhumunun diğer mühim evamil vahdetini bütün manasile haiz bulunduğu halde iptidaî ve kurunu ülâyi lehce ve lisanlarla konuşa geldikleri için cemaatler halinde kalarak vatanlarında devlet itlâkına şayiste büyük bir mecmuayi siyasiye ve ilmiye yaşayamıyan ve binaenaleyh düşmanın fennî bir hamlesile yıkılup perişan düşen Şimalî Kafkasyalılar artık bundan böyle vatanları için bir lisani resmî ve ilminin kudret ve ehemmiyetini takdir edebilmelidirler.

Şüphe edilmezki geçen nushaların birinde „Şimalî Kafkasyalıların esareti" unvanlı mekaleleri yazan arkadaşımızın dediği gibi eger Şim. Kafkasyalılar müşterek ve resmî bir yazı ve lisana harp zamanında malik olsa idiler düşmana daha ziyade mukavemet kabiliyetini gösterecekler ve belki de hiç mağlup olmıyacaklar ve mağlubiyeti müteakip vatan ve vatandaşlarını bırakup kendilerince meçhul ve ecnebî diyarlara hicret etmeği bir hiyaneti milliye ve vataniye telâkki edecek ve hiç te hicret kapusunu açmıyacaklardı.

Bir millet veya devlet harpte mağlup ola bilir, fakat efradı kâmilen terki diyar ederek başka bir memlekete köçmez. Bunu ancak müşterek bir lisanı resmî ve siyasîye sahip olamıyan siteler yapar. Bir kabile reisi hükum ettiği kabileyi kendi menafiî icabatı olarak tehcir eder, umûmî ve müşterek vatan mes'elesini ikinci derecede bırakır ve yahut onu hiç düsünemez, çünkü onu kendisine ilham edecek ortada müşterek ve umumî bir lisan ve onun yaratacağı yine umumî ve müşterek bir siyaset bulunamaz; böylece Şimalî Kafkasyalıların esareti lisansızlık yüzünden başladığına ve öyle kaldıkca bu esaretin temadi edeceğine verilecek hükmü bittap hem içtimaî ve hem de siyasî tarafından müsip görecektir.

Şimalî Kafkasyalıların gerçi o zamanlar temamile müşterek ve umumî bir lisani resmîleri yok idi; fakat buna az çok yakın bir lisanları vardı. Mamafi o lisan da diğer daha ekalliyette kalan lisanlar gibi yazısız ve binaenaleyh ilimsiz ve fensiz olduğu için işe yaramadı; bir vahdeti siyasiye temin edemedi. O da harp ve hicretten evvel beş milyondan fazla bir mecmuayi teşkil eden Şimalî Kafkasyalıların hemen üç milyondan fazlasını teşkil eden Adigelerin lisanı idi.

Bununla beraber Adıgece konuşanlar yalnız Adıgelerden ibaret değildi. Garbî Adigelerle hemhudut aslen ermeni bulunan Armavir sancağının halkı ve bir kısım Karaçaylar ve Şarkta yine hemhudut kalan ayni şubeyi lisandan Abazlar, Şimalî Adıgelerle yani Kabardalarla mücavir bulunan Balğar, Karaçay ve Asetinlerin bir kısmı Adıgece konuşuyorlardı.

Bugün bile Armavir, Karaçay, Balkar ve Asetinlerin Adigelerle hemhudut olanların ayni surette Adigeyce tekellüm ede bildiklerini işitiyoruz. Hülâsa memleket sekkânının üçte ikisinden fazlası Adıgeyce konuşuyordu. Adige ve Adigeycenin bu kudret ve nufuzunu idrak eden müstevliler, istilâyi müteakıp en ziyade tehcire çalıştıkları Adigelerdi. Bittap düşman buna da muvaffak olmuştu. Şimalî Kafkasya ekvamı arasında en çok başka memleketlere köçenler Adigelerdi. Çünkü onlar en büyük kesafeti teşkil ediyor ve mağlubiyette de en sonraya kalıyorlardı. Bu sebepledirki Adiğe kebailinden en son fişeki düşmana atan Abzah kabilesi kâmilen tedmir ve tahcir edilerek yerleri yeller esecek bir halde bırakılmıştı.

Şayani teessüf olan cihet, böyle daha kesif bir halkın vatanda daha ziyade münteşir lisanına ilmî bir renk verilememiş fennî bir kapu açılamamıştı.

Yene muharrir arkadaşımızın işaret ettiği gibi yekdigerini anlayacak derecede

bir lisanla konuşan bu müteaddit kebailin Kafkasyalılara hass fert, aile kabile benlikleri bu muhtelif lehcelerin bir araya getirilüp tevhidine mâni oldukları gibi bu lisanın başka Avrupa milletlerinde olduğu gibi ilim ve fen sahasında yürüyüp bir vahdeti siyasiye, asrî bir devlet yaratmasına mâni olmuşlardı.

Rus istilâsından evvel Şimalî Kafkasya, cemaatler halinden çıkup bir devlet organı yapmak kabiliyeti siyasiye ve içtimaiyesini gösterseydi, şüphe yok ki, bu Adiğe kesafetinin yaratmakta olduğu avamilî medeniye ile beraber en ziyade müteammim olan lisanları da bu devletin lisani resmisi olmak istidat ve zaruretini gösterecekti. Bu yakın tarih ve maziyi bize hatırlatan müstakil Şimalî Kafkasyanın mevzuu bahsolan lisani resmîsi mes'elesidir.

Bizce Şimalî Kafkasya istiklâliyetini aldığı gün lisani resmî olarak ruscayi muvakkaten istimal ederken vatanda müstemel millî lisanlardan en mütekâmil ve münteşir birini intihap ederek tamikıne çalışacak ve ona muvaffak olduğu gün artık onu devletin lisani resmisi olarak kabul edecektir.

Ruscayi muvakkaten kullanacak, çünkü bu lisan bir asırdan fazla diyarımızda hakimiyetini icra etmiş mekteplerimizde talim ve tedris sayesinde milletimizin efradı ister istemez onunla okur, yazar ve tekellüm eder bir hale girmiştir.

En münteşir ve mütekâmil millî lisanlardan birinin resmiyetini tercih edecek çünkü millî benlik ve varlığını gerek tarihe karşı ve gerekse müttehit ananevî ve içtimaî asil karakterlerimizin muhafaza ve idamesi ancak böyle bir vatan lisanile kabil olacak ve ecnebî lisanlardan hiç birisi ne bu milletin tarih ve ananesini ve ne de ahlakî ve içtimaî şahsiyeti milliyesini muhafaza ve idame edemiyecektir. Bunun bariz bir misali: mücahidi mübeccelimiz Şeyh Şamilin vatanımızda cebrî ve askerî bir surette vücude getirdiği bir vehdeti milliye ve siyasiyenin arapca gibi dinî bir lisani olduğu halde sehhar bir kudreti haiz olan ecnebì bir lisanın resmen kabulile asırlarca istimali bile maksada hadim olamaması ve hiç müessir bir içtimaî ve sıyasî rol oynıyamamasıdır.

Arapcanın milletin en dindar ve mutaassıp bulunduğu bir devirde ecnebî bir lisan olduğu için yapamadığı bir tesir ve vazifeyi artık, ne türkçe ve nede esperanto gibi millete arapcadan daha yabancı olacak lisanlar hiç te yapamazlar. Esasen arapca, türkçe, esperanto gibi ecnebî bir lisanın ebedî resmiyetini kabule yeltenecek olduktan sonra her ne sebeple olursa olsun milletimzin bugün hemen ekseriyeti mutlakası tarafından az çok okunup tekellüm olunan ruscayi elden bırakmamak lazımgelir ve bu ise millet için büsbütün meçhul elsineden daha müfit ve kârlı ola bilir.

Vatanımızın lisani resmisinden bahs edecek olanlar rusca, arapca, türkce, esperanto gibi tam ve ya nakis bir ecnebî lisanından daha ziyade vatanda en küçük bir kabilenin lisanını harsî, içtimaî tarihî noktayi nazardan tercih etmeli ve onu şahsiyeti milliyemizin daha parlak bir remzi daha asil bir renği olarak kabul ede bilmelidirler.

Tarihde nefsine hâkim hanği bir millet ve devlet kendisinden ecnebî bir lisanî resmî ittihaz ede bilmiştir, fakat muhtelif lisan ve lehce konuşan vatandaşlar içlerinden bir lehce ve ya lisani resmi ittihaz ederek devlet haline inkilâp ettikleri hemen her muazzam devletin tarihinde görülmüştür.

Vatanında devlet halinde icrayi hûkmedecek Şimalî Kafkasyalılar da öz vatandan bir kabilenin lehcesini ve yahut lehceleri yekdiğerine yakın muhtelif kebailin terkibinden hüsule gelecek bir lisanın intihabını düşüne bilir ve bunun mevkiî file gelmesi için tarihî, ilmî kesafet gibi bâzi daha mülayim şeraiti haiz olacak bir lehce ve ya lisanın şimdiden münakaşa ile tesbitine çalışa bilir. Yoksa her hanği ecnebî bir lisanın resmî ola bileceğini dûşünmek bile ne amelî ve ne de ilmî ve siyasî kiymeti haiz olamaz. Bu itibarle sekiz dokuz kadar hemen yekdigerini anlayamıyan lisana sahip oldukları için türkceyi bir lisanî resmî olarak kabule son zamanlarda yeltendiklerini işittigimiz Lezği ve Avar kebaili mazur görülemezler. Onların böyle bir teşebbüsleri hem kendileri ve hem de vatan ve devletin menafiî milliye ve umumiyesi namına hiç te müfit görülemez, bilakis çok muzır ola bilir Vatan lisanlarından birinin resmî olmak üzre intihabi zarureti ilmiye ve siyasiyesine kanaat ettikten sonra hangisinın tercihi lüzumunu şimdiden tayin etmek zannımca bir az güç olacaktır.

Henuz elde olmıyan bir istiklâlın ne zaman olacağı kestirilemediği gibi vatanda şimdiki halde yaşıyan lisanlardan hangisinin istiklâl gününe kadar daha ziyade mütekâmil ve münteşir olacağını kestirüp atmak kabil olamaz. Bugün vatanımızda hemen her lisan değil, her lehce için otonomiler teşkil edilerek onların okunup yazıldığı ve sahayî ilimde ilerilediği ve bu musabakade kazanacak lisanın belli olmadığı bir devirde vatancüda kalan muhacirlerin kendilerine göre vatan haricinde tayin edecekleri bir lisana müstakil Şimalî Kafkasya'nın resmi bir lisani

nazarile bakılamaz. Şayet muhacirlerce millî bir lisanın şimdilik resmî olarak tanılması müfit ve zaruri ise her şeyden evvel kendi mevcudiyeti milliyelerini ecnebî diyarlarda muhafaza ede bilecek olan bir lisanı aramaları icap ederken o da ancak kendi konuştukları millî lisanları ola bilir. Vatanından ırak düşen muhacirlerın Adiğeyler kesafet ve ekseriyeti mutlakasını teşkil ettikleri cihetle Adiğe lisanını tabiî bir lisanî resmi olarak istimal eder ve bu lisanın mukaddes vatanda bugün mütekellimleri bulunan Adiğe, Kabarda, Abaz ve otonomileri muhaceretle müştereken bir yazi ve lehce vahdetini şimdiden temin ederek eski Osmanli ülkesinde mevcut bir milyon küsur muhacir Adiğeler de müstakil vatanlarına iltihak edecek olurlarse ümit olunurki musabakayi Adigeyce kazanır ve yarınki müstakil Şimali Kafkasya'nın resmî bîr lisani olmak kabiliyet ve istidadını gösterir.

B. Bilatti

Şimalî Kafkasyanın devletî yaratıcılık imkânları

Şımalî Kafkasya Cumhuriyetinin müstakil bir devlet olarak yaşama fikrinin realize edilmesi yalnız milletimizin kat'î arizu ve azmi gibi subjektif amillerle değil, iktisadî amiller gibi objektif imkânlarla da temin edilmektedir.

İşte bu makalemizi bu iktisadî âmillere hasretmek istiyoruz.

Evvela, gerek tarihî bir hak, gerekse hali hazırın hakikî şeraiti noktai nazarından Şimalî Kafkasya Cumhuriyetini teşkil eden eraziden başliyalım. Vüs'at itibarile bu erazi (170.000 murab. klom.) müstakil yaşamakta olan bir çok devletlerden büyüktür. Şimalî Kafkasyadan küçük olan devletlerden Yunanistanı (147 600 murab. klom.), Çekoslovakya'yı (140.300 mur. klom), Bulgaristanı (103.100 mur. klom.), Avusturya'yı (83 900 m. k.) Danımarka'yı (44.400 m. k.), İsviçre'yi (41.300 m. k.) veilh... zikredebiliriz.

Şimalî Kafkasya erazisi nisbeten küçük olmasına rağmen zengin iktisadî imkânlara maliktir.

Atlantik ve Orta Asya gibi iki zıt iklimi tesir altında bulunan ve relyef itibarile muhtelif olan Ş. Kafkasya iklimcede muhtelif ve zenğindir. Bu vaz'iyet ziraatin hernevi için pek müsait şerait yaratıyor.

Şimal ve şimalî garptaki münbit erazide bugday, mısır, arpa, darı, miyan kökü gibi mutedil iklim talep eden ziraatla meşgul olunurken (ki sovyetler zamanı bile 2 500.000 hektardir), şarktaki istepte, dag eteklerinde ve karadeniz sahillerinde 300.000 hektarlık erazide tütün, pamuk, kenef v. s gibi teknik nebat ekilmektedir. Dünya harbından evvel Rusyanın tütütune olan ihtiyacının 50% nisbetini Şimalî Kafkasya ödüyordu ve bu tütün en yüksek cinsi teşkil ederdi. Hali hazırda 20.000 hektar erazide tütün ekilmektedir. Bundan başka Şimalî Kafkasyada bağçılık ve bostanlık ta inkişaf etmiştir. Bu saha daha on sekizinci asırda ihracat bile yapardı.

Hali hazırda bağçılık neticesinde konservo sanayii inkişaf etmiş ve konservolar beynelmilel piyasada bile maruftur. Bunlardan ilave Garbi ve merkezî mıntakalarda dağları ve dağ eteklerini örten ormanlar da büyük bir servet teşkil ederler. Şimdi bile ormanlar yılda 15.000.000 ruble gelir temin ediyor. İktisadî faaliyeti artıran amiller üzerine şimalî — şark isteplerile sub'alpik ve alpik dağ boylarındaki zengin otlakları da ilave etmek lâzımdır. Bu otlaklar, kabarday, Nogay nevinden çins atlar, karaçay ve karanogay koyunları yetişmesine yardım etmektedir.

Şimalî Kafkasyanın nehirleri, denizleri ve gölleri balıkla doludur. Kıymetli balık her yıl 10.000.000 puttan fazla avlanıyor ve hep ihraç olunuyor.

Şimalî Kafkasya yer altı servet noktayi nazarından daha zenğindir. Kuban mensabından Azerbaycan hududuna kadar erazide zenğin petrol ve gaz mintakalarına tesadüf olunur. Petroldan başka Karaçay, Kabarday ve Dağıstanda taşkömür, Malka nehri havzasında demir ve Osetiyada gümüş — kalay — çinko madenleri vardır. Bu sonuncu S.S.S.R. in bütün gümüşünü veriyor. Bunlardan başka bakır, marganz, sürme, cive, altın, marmer, grafit v. s. madenler vardır. Mahrukatla yan yana olan bu madenler maden sanayiinin inkişafını temin eder. Bunların üzerine kuvvetli dağ nehirlerinin temin edecekleri elektrik enerjisini (ki 5 milyon beyğir gücü tahmin olunuyor) artırsak, Şimalî Kafkasyanın gelecekte birinci safta duran ziraat — sanayi memleketleri sırası-

na geçmekte zorluk çekmiyeceği aşikâr olur.

Şimalî Kafkasyanın deniz sahilinde olmasi gemiçiliğin ve cihanla ticaret münasebetlerinin inkişafını kolaylaştıracaktır. Büyük harba kadar Kara deniz limanlarında ticaret hareketi artmakta idi ve bâzi limanlarımız baynelmilel limanlar sirasına geçiyordu. Meselâ Çemes (Novorossiysk) limanının yük nakliyatı 2.000.000 tonu buluyordu.

Diger limanlardan Tuapse'yi kaydede biliriz. Şimalî Kafkasya petrolunun ihracı sayesinde bu limanın yük nakliyatı 1929—30 senesinde 2.000.000 tona yaklaşıyordu.

Şamil-Kala (Petrovski — Mahaç Kala) 1.000.000 ton nakliyat yapıyor. Anapa, Cubga, Soçi, Hosta, Arduhaç (Adler) gibi limanlarımıza gelince, bunların da istikbalde inkişaf edecegine söz yoktur.

Şimalî Kafkasyanın haricî ticareti ihracat mahiyetinde olup ihracat ithalattan 2,5 defa çoktur. İhraç edilen şeyler yerli mallardır; ziraat mahsulları, petrol ve petroldan hasıl olan mamulat, çemento, deri, yun, balık veilh... dir. Bundan başka Şimalî Kafkasya Türküstan, Edil-Ural v. s. için bir dereceye kadar tranzit yolunu dahi teşkil eder. İşte, sathî bir bakıştan anlaşılıyor, ki Şimalî Kafkasya müstakil bir devet hayatı yaşamak için iktisadî her imkâne maliktir.

Eğer cografî vaz'iyetten demografik vaz'iyete geçecek olursak, bu cihetten de Şimalî Kafkasyanın müsait bir halde olduğunu görürüz. Dört milyon nüfusu olan Ş. Kafkasya Isviçreden (4.000.000-a yakın), Danımarkadan (3,5 milyon), Norveç'ten (3 mil.) veilh. ileridedir. Ehalinin sıklığına gelince, her murabba kilometroya 27 adam isabet eder. Halbuki S.S.S.R. de her murab. kilom. 25, Estonyada 24, Latviyada 23, Norveç'te 9, Finlandiyada 10, İsveçte 15 isabet etmektedir. Ş. Kafkasyanın ayrı ayrı nahiyelerinde kesafet artmaktadır. Meselâ: Dağıstanda her murabba kilometroya 50, Çeçenistanda 44 adam düşer. En çok sıklık dağlık ve dağ etekleri gibi yerlerdedir.

Ehalinin tabiî artması hakkında malumat yoktur. İstilâ hükûmeti bu cihetle meşgul olmayı lüzumsuz buluyor. Nihayet ehali kendisi de hükûmetin her bìr istatistikine itimatsızlıkla bakar ve onu aldatmağa sayeder. Fakat, dağlıların asırlar süren an'aneleri ve kuvvetli aile hayatı ehalinin tabiî artmasını temin etmektedir. Dağlı, tabiati itibarile aileçidir ve dağlı ailesi çok çocuklu olmasile maruftur. Bekârlara Ş. Kafkasyada çok az tesadüf edilir ve olanlara da istihza ederler. Şimalî Kafkasyada çok karılık yoktur. Tek - tük bulunsa da sebebi birinci karıdan evlat olmamasıdır. Bu şerait içerisinde şüphe yoktur, ki Şimalî Kafkasya tabiî artma bakımindan birinci yer tutar ve Ş. Kafkasya milleti en hayatiyetli milletlerden biridir. Şimalî Kafkasya cumhuriyetinin milliyetce kuruluşu da fena değildir. Dört milyon nüfusun üç milyonu, yâni 70% nisbeti şimalî kafkasyalıdır. Mukayese için, ayni vaz'iyetin Çekoslovakyada (68% nisbeti çek slovak'tır), Romanyada (70% nisbeti romen), Lehistanda (70% leh) S.S S.R.-de (velikoruslar 52% nisbet teşkil ederler), İranda (İraniler 60% nisbet) dahi mevcut olduğunu kaydedebiliriz.

Milliyet mes'elesinden bahsederken şunu de ehemmiyetle kaydetmeliyiz, ki Şimalî Kafkasya, Kafkasya konfederasyonunun bir uzvu olarak ihya olunacaktır.

Bu cihetten Ş. Kafkasyadaki diger kafkasyalılar (ermeni, azerî, gürcü) akalliyet millet gibi telakki edilmiyup şimalî kafkasyalıların pozisyonunu takviye edeceklerdir. Daha ileri giderek diye biliriz, ki Kafkasya heyeti umumiyesile millî bir vücut gibi telakki edilecek, çünkü Kafkasya milletlerini birleştiren bağlar git-gide sıklaşacak ve konfederasyon federasyona, belki de tam vahdete degişe bilecektir.

Sonra rusların külliyetli surette gerey köçecekleri de nazara alınmalıdır. Ehalinin. millî nisbetini lehimize degişecek olan bu köçmenin misalini Baltık boyunda da gördük. Baltık boyunda bir milyondan fazla rus amele, memur v. s. vardı, ki Baltık boyu milletleri istiklâllerini ilan edince hepsi geri Rusyaya köçtüler. Bundan başka eski muhacirlerimizin çoğu Ana Vatana döneceklerdir. Bütün bunlar asıl yerli milletin nisbetini yükseltecektir.

Icmalimizi temamlamak için Şimalî Kafkasyanın müdafaasından da bahsedelim. Konfederasyon şeraiti içinde cenup hudutlarımız müdafaayı kolaylaştırıyor. Bu suretle Kuban ve Kuma nehirleri boyu ile uzanan Şimal hududumuz kalıyor. Bu hududun de her yeri kolay alınır yerlerden değildir. Kumanın aşağı havzası bataklıktır ve tabiî bir mania teşkil eder. Kubanın dağlık olan aşağı kısmı da müdafaayı kolaylaştırıyor. Bu şerait içerisinde lâzimî fortifikasyon inşaatı tam manasile kabili müdafaa bir hudut yaratacaktır, ki bu hudut yalnız Ş. Kafkasyayı ve Kafkasya konfederasyonunu degil, bütün yakın Şarkı müdafaa edecektir. Eger komşulugumuzda dost bir Kuban veya, „sıcak denizlere, sıcak ülkelere" şiarı altında cenuba bakmıyan başka devlet teşekkül ederse, Şimal hududumuzun müdafaasi kolaylaşmış olacaktır.

Hudutlardan bahsederken şimalî kaf-

Elmas Yıldırım

SÜRGÜN*)

Birğün „Çar“ dan emrolundau
Ak atli bir kazağa
Haber versin Çeçen yurdu
Göçürülsün uzağa

*

Yayılırken avullara
Kin dolusu bu haber
Çatup durdu kaşlarını
Her Çeçenli yiğit er

*

Kalbi kırık annelerin
Yaşlar doldu gözüne
İhtiyarlar bakup durdu
Yiğitlerin yüzüne

*

— Nasıl oldu „Şah namına
Böyle emir verildi?.! —
Çeçenlerin sürgünlüğü
— Neden reva görüldü?

*

— Bu kanunmu doğma yurdu
Terk eylesin Çeçenli.
Tanrı bize çok mu gördü
Bu toprağı bu ili?..

*

— Biz göçmeyiz uzaklara
Meskenimiz bu bizim!..
Yer vermeyiz kazaklara
Toprak bizim su bizim.

*

Haber gitti polkovnike [1])
Emre karşı çıkıştan
Bir az sonra üçyüz atlı
Kazak indi yokuştan.

*

Bir Çeçenli hain zabit
Geldi elinde kâğız
Haykırınca susdu bütün
Çoluk — çocuk gelin-kız

*

Hain zabit elindeki
Keskin emri okudu
Annelerin hukukuna
Bir çok leke tokudu...

*

—Şahın emri budar.., dedi
„Haydut“ Çeçen erleri
Alup „Kahpe“ annelerin
Terk etmeli bu yeri!..

*

— Yeter artık bu ülkenin
Varı yoku talandı
Yeter artık Çeçenliler
„Haydutlukla“ dolandı!..

*

— Bizmi haydut?!...
— Oh yaramaz!...

— Sende Çeçen kanı yok!
— Bu tahkire dayanılmaz
Zülm edenin sonu yok!..

*

Bütün avul dalğalandı
Deniz gibi taşdılar
Emr olundu kazaklara
Hepsi ateş açtılar.

*

Koptu kanlı fırtına;
„Ölüm!“ hükmü verildi
Karşı duran yiğitler
bir bir yere serildi.

*

Göksü açık anneler
Koparak feryadı
Şehit düşen erlerin
Baş ucunda bayıldı.

* * *

Akşam oldu mahzun gökler
Perde çekti yüzüne
Bir hıçkırık kondu akan
Pinarların gözüne.

*

„Köç edenler“ yavaş yavaş
Yol üstüne çıktılar
Yeşil doğma yurtlarına
Son bir bakış attılar.

*

İhtiyarlar düştü öne
Çoluk — çocuk hep yaya
Kız-gelinler döne döne
Bakıyordu arkaya.

*

Yol aldılar uzaklara
Bu perişan desteler
Can vererek yollarda
Düşüyordu hasteler

*

Dul kalanlar gözü yaşlı
Selamlarken dağları
Anıyordu baykuşlara
Terk ettiği bağları.

*

Bir ihtiyar çıkup baktı
Bir tepecikten geri
Gördü yanıyor köyü
Alev sarmış her yeri.

*

Son olarak, yanan yurda
Derin hasretle baktı
Gözlerinden iki katre
Od damlası akıttı

*

—„Çarın emri buymuş“ dedi
Doğma yurdu bırak get!..—
Unutmayiz bu zülmu
Dünya durdukca elbet!..

*

Diye gözden kayp olarak
Toz dumana karıştı
Meçhul diyarlara giden
Dağ yollarını aştı.,.

Şamil—Kala
1930

*) Şu manzume Çeçen kahramanlarından „Selim Han“ ın hayatından alınmış „Selim Han“ nam büyük tarihî poemden bir parçadır. E. Y.

[1]) Rusca miralay demektir.

---

kasyalıları Kuban ve Kuma hattı üzerinde durmaya sevkeden mantıkı mülahazaları zikretmemek olmaz. Bu erazi, tarihî hak veyahut cografî mülahazalara dayanmıyor. Eğer böyle olmuş olsaydı hudut şimale dogru çok genişlemeliydi. Bu hudut asgarî programdır. Onsuz Şimalî Kafkasya cumhuriyetinin normal, hür ve tehlikesiz inkişafi imkânsızdır. Mülahazamız — her devlet vücudunun yaşamak garantisi olan iktisadî ve askerî momentlerden neş'et etmektedir. Ve gördügümüz gibi Şimalî Kafkasya bu programı tatbik için kâfi derecede kuvvet ve imkâna maliktir.

* * *

Журнал „Северный Кавказ" является продолжением журнала „Горцы Кавказа". Эта перемена не означает изменения идеологических позиций Народной Партии Горцев Кавказа. Она вызвана лишь стремлением еще более уточнить эти позиции и отображает, одновременно, желание большинства наших читателей.

Очень часто наши недоброжелатели пытаются исказить понятие „Северный Кавказ", вложить в этот строго-определенный географическо-политический термин не отвечающий действительному положению смысл.

С одной стороны, такая попытка ведется советской властью, которая, вот уже вторично, присваивает название „Северо-Кавказский край" произвольно создаваемым ею административным единицам.

С другой стороны, и некоторые эмигрантские группировки, не входящие в единый фронт народов „Прометея", сознательно избегают употреблять в своих изданиях термин „Северный Кавказ" и пытаются присвоить значительнейшей части нашей территории название, исторически никогда не существовавшее и не менее произвольное по содержанию, чем „Северо-Кавказские края" советской номенклатуры.

Переименование нами журнала является ответом на эти тенденции.

Северный Кавказ и исторически, и морально, и на основании реального соотношения сил на местах принадлежит нам, горцам, — коренным северо-кавказцам.

Российский империализм, несмотря на всю свою безграничную жестокость, не настолько поколебал наши позиции, чтобы мы не могли восстановить их во всей полноте.

И такого восстановления требуют не только жизненные интересы нашего национального будущего. К этому обязывает нас и наше прошлое, тени наших героических предков. Мы не должны забывать, что их кровь обильно орошала не только наши скалы, а кости их покоятся не только на кладбищах в горных ущельях—наши тучные равнины не менее обильно политы этой священной для нас кровью и не менее густо усеяны священными для нас могилами. И все эти жертвы принесены не во имя насилия, а в борьбе с насилием, во имя справедливых и высоких целей национальной самозащиты.

Кровь, пролитую для столь высоких целей, мы должны „взять", если закон предков наших нас еще обязывает, если мы с прошлым связаны еще духовно. „Взять"-же кровь мы можем лишь при условии, если, изгнав врага, лишим его возможности топтать грязным сапогом священную для нас землю.

Изгнание врага из всех наших пределов и дружное сожительство в общекавказской семье продолжает быть основной нашей целью и, переименовав наш орган в „Северный Кавказ", мы лишь подчеркиваем, еще более, непреклонное желание достичь эту цель.

Одна из главных причин

11 мая 1918 г. Северный Кавказ прокламировал свою независимость; 23 мая 1919 г. северо-кавказский парламент, приняв отставку кабинета ген. Халилова, об'явил себя распущенным на неопределенное время.

Последним актом тогдашний официальный Северный Кавказ подписал капитуляцию перед белой Россией ген. Деникина, и страна обречена была опять на долгие годы новой неволи.

Можно-ли трагическую последовательность этих двух дат об'яснить только причинами внешнего порядка?

Нам кажется — нет. Акт 23 мая вызван не только причинами, лежащими вне северо-кавказской действительности того времени. Во многом причины эти надо искать и в нас самих и, прежде всего, в тогдашнем руководстве нашей национальной мысли—среди лиц, ее официально представляющих.

Мы не намерены отрицать заслуг тогдашних руководителей нашей политики, тогдашних кормчих национального корабля Северного Кавказа.

Заслуги эти бесспорны. Лица, официально представляющие нас в то время, впервые пытались выдвинуть проблему Северного Кавказа во всем ее об'еме на широкий международный форум; они установили также некоторые отправные пунк-

ты для дальнейшего развития нашей национальной идеологии.

Но, несмотря на это, они не смогли дать всего того, что должен был дать руководящий национальный центр в столь ответственный и так редко повторяющийся исторический момент, момент — наиболее благоприятный для всякой национально-освободительной акции.

И это, считаем мы, было одной из главных причин, приведших Северный Кавказ, через акт 11 мая 1918 г., к акту 23 мая 1919 г. — акту ненужной, не вызываемой необходимостью капитуляции, которая, как ни странно, совпала с активной борьбой масс с насилием, вызвавшим эту капитуляцию.

Чем-же об'яснить это трагическое несоответствие между настроениями руководящих национальных кругов и настроениями широких масс — почему, когда первые склонялись перед насилием, последние брались за оружие и продолжали борьбу уже в безнадежной обстановке?

Только тем, что массы сохранили национальный дух в гораздо большей степени, чем образованные слои нашего общества и даже чем те, кто официально представлял в то время Независимый Северный Кавказ.

Мы с прискорбием должны констатировать, что даже эти „лучшие люди" среди нас, в 1917 г., в национальном деле были еще случайными людьми.

Большинство из них, вплоть до этого времени — момента занятия ими командных постов в национальной жизни, ничем не проявляли своих националистических тенденций и были вполне лойяльными чиновниками царского правительства: офицерами, чиновниками различных гражданских ведомств. Некоторые из них занимали ответственные посты и находились на пути блестящей — блестящей, конечно, для „инородца" — карьеры.

Кроме этой „чиновной группы", значительный процент составляли среди них лица, хотя и более подготовленные политически, но также не обладающие достаточным стажем для ведения национально-освободительной работы в ответственный момент установления собственной государственности. Это были б. члены русских либеральных и социалистических партий, доселе покорно плетущиеся в хвосте русского т. н. освободительного течения.

В результате этого, именно,—наш национальный актив в 1917 г. представлял из себя группу случайных людей, не имеющих определенной национальной програмы и не связанных между собой никакими организационными узами. Недавнийже отрыв (далеко не всегда полный между прочим) от русла русской общественной жизни заставлял многих его членов очень часто оперировать еще „общеимперскими" категориями.

Этим только можно об'яснить чрезвычайную осторожность его тактики, не отвечающую горячечному темпу момента и очень часто граничащую с оппортунизмом. Этим-же можно об'яснить и ряд договоров, подписанных им от имени Северного Кавказа и весьма далеких от самостийности. К счастью, договоры эти, не имея под собой никаких реальных основ, оказались лишь договорами на бумаге.

Такая тактика не могла привлечь масс. Массы в те времена можно было порвать лишь лозунгами национального максимализма и действенным примером.

И мы видим, что там, где это имело место, массы шли на всякие жертвы. Так было в Дагестане и Чечне в 1919 г., сейчас-же после капитуляции парламента и правительства. Так было тамже в 1920 г., когда Коркмасовы привели за собой большевизм. Такого-же порядка было и архаическое эмирство, которое пытался воплотить в жизнь Узун-Хаджи, и даже „большевизм" масс, которые шли в Кабарде и Осетии за Калмыковыми и Такоевыми.

Всюду массы боролись против возврата старого бесправия, и, если на этом пути допускались ошибки, то только потому, что над ними отсутствовало мощное, твердо идущее к намеченной и строго - определенной цели национальное руководство.

Отсутствие такого руководства — одна из главных причин акта 23 мая 1919 г. и всех последующих событий, имеющих место на нашей Родине.

MİLLÎ İŞDE FAAL BİR SURETTE İŞTİRAK ETMEKLE SİZ KENDİ SAADETİNİZİ DAHİ TEMİNETMİŞ OLUYORSUNUZ.

УЧАСТВУЯ АКТИВНО В НАЦИОНАЛЬНОЙ РАБОТЕ, ВЫ СТРОИТЕ СВОЕ СОБСТВЕННОЕ СЧАСТИЕ.

Эмир - Хассан

Эпоха Шамиля

Часто приходится слышать нарекания, что мы уделяем слишком много места Имаму Шамилю и его эпохе, обходя молчанием или в лучшем случае лишь слабо упоминая о вождях и событиях ему предшествовавших. Считаю такой взгляд ошибочным, а приводимые при этом мотивы недостаточно обоснованными, чтобы опровергать их путем печатной полемики.

В историю горцев надо вглядеться глубже: надо выделить в ней периоды самобытного существования отдельных племен, а также период частичных проб об'единения, имеющих характер локальный, от всего того, что по структуре своей принимает образ государственности и выявляет конкретное стремление об'еденить весь Северный Кавказ и всех горцев в одно политически-национальное целое. При таком подходе станет ясным то огромное значение, которое пранадлежит в нашей истории личности и эпохе Великого Шамиля.

К стыду нашему должен отметить, что мы, горцы, мало знаем свою историю и мало посвящаем времени на изучение основных моментов нашего прошлого. Если что-либо и знаем, то в большинстве случаев наши познания имеют характер местный и мы не можем претендовать, даже в минимальном масштабе, на знание общегорского прошлого.

Очень часто мы смешиваем первостепенно важное с менее важным или даже совсем неважным, впадая, сплошь и рядом, в крайность при защите своих положений. Ошибки, столь часто повторяемые, происходят от недооценки общепризнанных во многих случаях исторических фактов и однобокого к ним подхода. Временами некоторые из нас доходят до такого абсурда, что начинают игнорировать историю, подходят к ней как к пережитку, не имеющему уже для нас никакого значения. Это последнее явление просто опасно, как явление, могущее привести национальную идеологию к банкротству.

Народ, не имеющий свою историю или старающийся под тем или другим предлогом обойти молчанием свое прошлое, не может стать нацией, а следовательно не может претендовать и на независимость. Национальная идеология выковывается веками и зиждется на традициях и быте народа. Эти два момента, характеризующие степень сопротивляемости данного народа, служат залогом его самосохранения, т. к. на них воспитываются поколения, и народ, таким образом, сохраняет отличный от иных национальный дух.

Отсюда — чем сильнее развиты в народе традиции и чем глубже народные массы проникнуты историческим прошлым, тем больше данных к тому, что народ подготовлен к борьбе за свою самостоятельность.

Поэтому необходимо возможно полнее использовать историческое прошлое и особенно там, где оно богато героическими моментами, где оно является лучшей школой для воспитания духа. Необходимо, чтобы героический дух предков ожил с новой силой в борющемся за независимость поколению.

Мы — горцы, как никто иной в мире, имеет все данные к тому, чтобы историю превратить в основу воспитания молодого поколения, т. к. героический пафос в нашем прошлом развит до беспредельности, жертвенность в нем во имя национальных идеалов не имеет границ.

* * *

Все предшествовавшие Имамату Шамиля эпохи характеризовались разрозненностью горских племен. Попытки к об'единению или оканчивались неуспехом, или принимали, как было уже отмечено, характер локальный. Многое при этом об'яснялось темпераментом самого населения, не привыкшего еще к авторитету верховной власти. Немалую роль играли и природные условия — топография края.

В начале XVIII века, ввиду надвигающейся угрозы с севера, племенная вражда отчасти прекратилась. В горских умах стал намечаться психологический перелом. Однако, до об'единения еще было далеко и угроза со стороны России не была еще должным образом оценена — она все еще считалась явлением временным.

Весь XVIII век и в начале XIX века производились неоднократно попытки установить сношения с иностраннными державами и искать среди них помощи в борьбе с Россией, но все это не имело успеха и, опять-таки, главным образом потому, что все подобные обращения носили локальный характер — исходили от отдель-

ных племен и лиц, а не от всех горцев в целом.

Опасность с севера приобретала все более и более реальные формы и становилось ясным, что существующий правопорядок необходимо пересоздать, необходимо положить предел феодальному произволу и внутренним распрям. В народе началась проповедь об'единения словом и письмом, стали раздаваться голоса о необходимости создания сильной власти и народные массы стали все более и более проникаться национальным чувством, в силу тогдашних условий окрашенным в религиозный цвет. Двигательной силой было при этом новое учение: мюридизм и тарикат.

Призыв к об'единению, провозглашенный Магомет-Эфенди Ярагинским, приобрел большую популярность среди всего горского народа, но осуществление его встретило значительные затруднения, т. к. враг успел вклиниться в горскую территорию.

В 1834 г., в исключительно тяжелое для горцев время, власть Имама принимает Шамиль. Наследие, которое он получил от своего предшественника, находилось в самом плачевном состоянии. Казалось, что власть Имама перестала существовать с трагической смертью Гамзат-Бека. Даже родной аул Шамиля отказался признать авторитет нового Имама и все надо было начинать сначала.

Высокое образование, гениальные военные способности, проявленные в бесконечных боях, организаторский и административный талант, непреклонная воля — все это выдвинуло Шамиля из рядов современников и сделало его никем не превзойденной величиной на нашем историческом горизонте.

Во всех своих начинаниях, преодолевая самые трудные препятствия, он шел твердо к намеченной цели. В своем стремлении к об'единению народа и освобождению края, он заставил подчиниться других себе, с корнем вырвал своеволие и сумел обуздать наиболее строптивых. Каждый шаг его был глубоко обдуман и на всем лежит отпечаток его гения и непреклонной воли. При нем невозможное стало возможным. Ни интриги, ни пропаганда и золото русских, ни сила их оружия не могли воспрепятствовать об'единению и возрождению горского народа под знаменем семи звезд. Шамиль ковал свою власть в беспрерывных боях с Россией, находил на все время, единолично руководя как внутренним устройством страны, так и борьбою с врагом.

Шамиль создал новую эру в горской жизни, вложил в народ новые силы, вдохнул в него новый дух, перевоспитал народ. Под его водительством горцы выявили такую силу сопротивляемости и такую доблесть, которым нет примера в мировой истории. Даже очень скупой на похвалу враг, враг лживый, который всеми силами старался убедить мир, что имеет дело с „разбойниками" и „бандитами", вынужден был неоднократно признавать наше моральное превосходство и организованность.

Государство Шамиля было притягивающей силой не только для Северного Кавказа. В нем находит приют злейший враг России—грузинский царевич Александр, Шамилю присягают на верность ханы Элисуйский и Шекинский, в рядах его войск сражаются польские патриоты во главе с сосланным на Кавказ Пытлевским из Дзялошина, тюрко-татары Идел-Урала и Крыма и даже казаки-украинцы, потомки запорожцев, перебегающие из рядов русской армии.

Культ Шамиля является общим не только для всех горцев, но и для всего Кавказа. Упорство, с каким он боролся в продолжении 25 лет с врагом, сокрушившим Наполеоновскую империю, не могло не привлечь к нему сердца кавказцев, ибо он боролся за общие всему Кавказу идеалы.

Годы 1838-1845 — это расцвет горской государственности и горского оружия. После 4-х летней организационно-подговительной работы, когда Северный Кавказ лишь оборонялся, начинается наступательное движение. Гениально составленный план военных действий на ряд ближайших лет и его выполнение являются чудом стратегии. Вырывая инициативу из рук в 10 раз сильнейшего врага, Имам громит его доселе незнанными методами войны и добывает в конце концов колоссальные трофеи, массу пленных и целый ряд крепостей. Этот период выявил во всей полноте военный гений Шамиля.

От окончательного разгрома неприятеля предохранил своевременный подход нового корпуса в количестве около 80000 человек. Но, даже после появления новых сил, врагу были нанесены 3 страшных удара: в 1844 году в южном Дагестане и Черкесетии, а в 1845 году в Чечне. Врага спасали всегда неиссякаемые возможности пополнения — ведь за спиной русской армии на Кавказе стояла тогда 60-миллионная Россия. Но

несмотря на колоссальный перевес материальных сил, Россия неоднократно была бита и судьба ее на Кавказе не раз висела на волоске.

* * *

Эпоха Шамиля содержит в себе еще один чрезвычайно важный момент: северокавкасская государственность, олицетворяемая Имаматом Шамиля, превратилась в фактор международного порядка и факт этот придал такой же характер и проблеме Кавказа в целом, которая до сих пор рассматривалась как частный вопрос между Россией и ее южными соседями—Турцией и Персией.

Факт этот особенно ярко выявился во время Крымской кампании в 1854 – 56 г.г., когда союзные государства (Англия, Франция и Турция), через своих представителей, старались установить контакт с Шамилем, обещаясь при заключении мира поднять вопрос о признании его государства. Обещания союзников при этом были вполне тождественны обещаниям, которые давались ими Сардинии и которые для Италии стали первым шагом на пути освобождения и об'единения.

Несмотря на то, что тогдашнее общественное мнение Франции и Англии рассматривало горские войска в качестве союзных сил и на страницах „Таймса", например, имелась особая рубрика, сообщающая о ходе военных действий на Северном Кавказе, при заключении мира обещания были забыты и Северный Кавказ предоставлен был опять своей собственной судьбе.

Несомненно, виною этому было отсутствие у нас соответствующего пропагандного аппарата и подготовленных дипломатических кадров. Не меньшее значение имело и то, что мы были мусульманами.

Отрезанный от всего мира и предоставленный собственным силам Северный Кавказ продолжал борьбу, пока не были исчерпаны все рессурсы страны, а народ совершенно обессилен. Последний акт великой трагедии закончился в 1864 году, и только тогда враг мог сказать, что Кавказ находится в его руках.

* * *

Мы, горцы, должны изучать свою историю, но особенное внимание должны мы обратить на историю эпохи Шамиля. Слишком мало внимания уделяем мы великому созидателю нашего единства.

Эпоха Шамиля должна быть восстановлена и описана во всех деталях. Мы должны работать не покладая рук, чтобы восстановить все то, на чем покоились наша государственность и независимость. Нам не нужно искать чужих богов, надо знать и почитать свое. Великий Шамиль в нашей истории является тем же, кем является для французов — Наполеон I, немцев — Фридрих Великий, итальянцев— Гарибальди, поляков — Ян III Собесский, Турции — Магомет II Фатих и для грузин — царица Тамара. Шамиль — это символ нашей национальной мощи и жизнеспособности.

Надо выравнять линию — эпоха Шамиля должна получить на страницах журнала полное и исчерпывающее освещение.*)

Автор настоящей статьи обещал нам разработать детали устройства государства Шамиля в следующем порядке: 1—Устройство государственного и административного аппарата, 2—Организация вооруженных сил, 3—Промышленность и 4—Вопросы просвещения. Разработанный материал должен поступить в наше распоряжение в ближайщее время. Редакция.

Арслан

Что было сказано о проблеме языка в Дагестане в 1928 году

(К статье г. А. Т. — „Об общегосударственном языке")

Вопрос об общем языке является одним из кардинальнейших вопросов нашего национального строительства. Неудивительно поэтому, что вопрос этот уже издавна служит предметом обсуждения и привлекает внимание как отдельных национальных работников, так и широких кругов нашей общественности.

Уже вскоре после 1905 года, в связи с обострением руссификаторской политики царизма, вопрос об общем языке, как мера самозащиты, предстал перед национальномыслящим Северным Кавказом. Однако, практического разрешения он тогда не получил, ибо господствующий режим исключал всякую возможность легального его обсуждения, а следовательно, и широкой постановки столь сложной проблемы.

Но после падения царизма, в период общегорских с'ездов в 1917 году, он выдвинут был открыто и разрешен — кажется, на с'езде в мае месяце — особым постановлением культурно-просветительной комиссии, выделенной с'ездом. Школьная программа комиссии, утвержденная с'ездом, предусматривала систему трех языков: родного, тюркского и русского, причем тон постановления ясно оттенял, что русский язык в северо-кавкасской школе является временной и не особенно желательной необходимостью. Таким образом, школьная программа предопределяла будущие пути разрешения и вопроса об общегосударственном языке.

Но практического применения постановление с'езда не получило. В обстановке революции и наступивших — анархии, нашествия белых и красных русских сил невозможно было провести не только реформу школы, но даже вести в существующих школах занятия нормальным порядком.

После советской оккупации, вопрос об общем языке в масштабе всего Северного Кавказа не поднимался. Разговоры на такую тему не отвечали интересам советской власти, которая на Северном Кавказе проводила систематическую работу по раз'единению горских масс.

Зато, проблема общего языка неоднократно служила предметом обсуждения в Дагестане, где, ввиду создания особой „республиканской" единицы и многоязычия, она и в советских условиях продолжала быть актуальной.

Из всех разговоров и дискуссий на эту тему особенно знаменательной была дискуссия в 1928 г., когда проблема языка в Дагестане была подвергнута широкому, хотя и не всегда научно-беспристрастному, освещению.

Эта дискуссия интересна для нас по многим причинам.

Во-первых, она довольно верно представляет действительное отношение участвующих в ней к проблеме языка.

Этому способствовала обстановка, в которой происходила дискуссия. Как известно, в 1928 году централистические и руссификаторские стремления не приобрели еще в СССР сегоднешних резких форм и в национальных районах союза царила относительная свобода, на страже которой стояли местные коммунисты из „старых кадров", способствовавшие в свое время приходу и победе советской власти. В частности, в Дагестане в это время у власти находился Дж. Коркмасов — „старый большевик", не раз коротавший свои эмигрантские дни в сообществе самого Ленина.

Чувствуя за собой вес своих „заслуг" перед советской властью, коммунисты-националы из „старых кадров" неоднократно довольно откровенно высказывали свои взгляды, не всегда отвечающие „генеральной линии" партии.

Эта откровенность является характерной и для дискуссии 1928 г. в Дагестане.

Решающую роль играл в ней сам Коркмасов, который был главным докладчиком по вопросу языка на об'единенном пленуме ДК и ДКК ВКП(б) и высказал при этом взгляды далеко не отвечающие тенденциям официальной Москвы.*)

Эти настроения „главы" Дагестана стали фоном для всей дискуссии. Все выступающие, следуя примеру наиболее влиятельного в то время лица в Дагестане, высказывали свои мнения с известной свободой, придав дискуссии, таким образом, тот характер реального отображения настроений, который нами был отмечен.

Значение этой реальности значительно увеличивается, если мы примем во внимание степень участия в дискуссии различных слоев населения. Высказывали свое мнение не только отдельные коммунисты и различные партийные организации, но и культурные работники - некоммунисты, учащаяся молодежь, целые сельские общества и т. д. Почти весь интелектуальный подсоветский Дагестан высказал в ней то или иное отношение к проблеме языка.

Это обстоятельство выдвигает и третью — самую главную — причину интереса для нас дискуссии: ее практическое значение, ибо ее выводы во многом предопределяют пути разрешения проблемы языка в Дагестане.

Как известно, Дагестан и территориально, и по количеству населения представляет из себя провинцию, где наши национальные позиции наиболее сильны и непоколебимы. Современный Дагестан занимает свыше 50 тыс. кв. клм. (почти 1/3 нашей территории), а из 1300 населения горцы составляют 95 — 96 проц., число-же русских не превышает 70 тыс. человек. В этих условиях, не только при разрешении проблемы языка, но и при разрешении многих иных проблем, Дагестан будет играть определяющую роль.

Но не только удельный вес Дагестана

---

*) Между прочим, „туркофильская позиция" при разрешении вопроса языка была главной причиной отзыва Коркмасова в Москву.

в нашей национальной жизни делает дискуссию 1928 г. практически интересной. Она ценна и потому, что причины, вызвавшие ее, совершенно тождественны с причинами, которые актуализируют проблему языка на всем Северном Кавказе— тождественны даже в деталях технического значения.

И в Дагестане, как и на Северном Кавказе в целом, мы имеем дело с многоязычием. И самое главное, в этом многоязычии соотношение языков групп совершенно идентично. Яфетический корень является доминирующим фактором как в отдельности для Дагестана, так и в целости для Северного Кавказа. Вместе с этим, процент элементов тюркских в Дагестане равен приблизительно проценту этих элементов для коренного населения всего Северного Кавказа (15—17⁰/₀ ⁰/₀).

Таким образом, если мы учтем это сходство в соотношении языковых групп, одинаковом и для Дагестана и для Северного Кавказа в целом, то увидим, что доводы „за" и „против" того или другого языка, выдвигаемого в качестве языка общего, будут и в первом (для Дагестана) и во втором (для Сев. Кавказа в целом) случае равнозначными, т. е. факторы, которые диктуют в Дагестане необходимость принятия того или иного языка, будут диктовать эту необходимость и в Адыгее, и в Чечено-Ингушетии, и в Осетии и вообще на всем Северном Кавказе.

Поэтому-то, учитывая все эти моменты, мы придаем дискуссии 1928 г. большое значение и считаем необходимым ознакомить с ней всех тех, кто так или иначе заинтересован в разрешении проблемы общего языка на Северном Кавказе.

Материалы дискуссии печатались на страницах „Красного Дагестана" от января по февраль месяц 1928 года включительно. Они в большинстве находятся в нашем распоряжении и в наиболее интересных местах будут представлены вниманию читателей

При этом мы должны заметить, что, хотя дискуссия 1928 года является одной из наиболее свободно проведенных в советских условиях дискуссий, однако, она характеризуется известной сдержаностью в выражениях, а в некоторых случаях и явным подхалимством по отношению к правящей власти — явлениями неизбежными при существующем на Сев. Кавказе режиме.

Но эти моменты не на много понижают ее определяющую ценность — она достаточно ярко выявляет настроения Дагестана.

Для удобства рассмотрения, мы будем приводить имеющийся материал в следующем порядке:

1 — дискуссионные статьи и письма отдельных лиц,

2 — резолюции с мест (постановления сельских обществ, организаций ком. партии и т. д.),

3 — выступления на пленуме Д. К. и Д.К.К. В. К. П. (б) и резолюция названного пленума,

и, наконец, как заключительный аккорд, приведем резолюцию пленума ДК ВКП(б), принятую в июле 1930 г., в которой решение проблемы языка в 1928 г. признано было „еретическим" и которая закончила фактически карьеру Коркмасова — главного инициатора и проводника названного решения — в Дагестане. Вскоре после пленума 1930 года, он был отозван в Москву, на задворки правящего советского Олимпа — в ничего незначущую Комиссию нового латинизированного алфавита при Совете национальностей.

ЧТО БЫЛО СКАЗАНО В ДИСКУССИОННЫХ СТАТЬЯХ

Дискуссия на страницах „Красного Дагестана" начата была статьей „К вопросу о создании лезгинской писменности", автором которой был Г. Гаджибеков. Обширная статья заняла пять номеров газеты, но собственно проблему языка автор затронул лишь в первой части статьи (в номере от 19.I.28), которую он многозначуще озаглавил — „Легенда о лезгинах — тюрках".

Глава эта начинается следующим образом:

„Сторонники единого государственного тюркского языка в Дагестане в большинстве случаев причисляют лезгин к тюркам.

У них лезгины — или тюрки, или подавляющее большинство лезгин говорят на тюркском языке или находятся на пути полной тюркизации. Такого рода утверждение исходит не только от малознакомых с лезгинской жизнью товарищей, но нередко и от некоторых тюркско-образованых лезгин. Может быть на самом деле лезгины—тюрки? Посмотрим — так ли это".

Далее Гаджибеков доказывает, что лезгины (т. е. горское население Самурского и Кюринского округов Дагестана и Ку-

Dağlık İnguşistanda Aşağı Huli aulu (1610 metroluk irtifada).

Аул Нижний Хули в нагорной Ингушетии (высота над уровнем моря—1610 мтр.)

бинского уезда в Азербайджане) отнюдь не тюрки.

„По данным переписи 1926 года — пишет он — по Кюринскому округу владеют только родным языком 93.2 проц., а по Самурскому округу 77.3 проц. Эти цифры показывают, что процент владеющих другими языками, в том числе и тюркским, не так велик, как это хотелось-бы сторонникам тюркизации лезгин.

Лезгины, как и все дагестанские народы, живут на стыке двух культур: с севера — русской, а с юга — тюркской. То, что русское влияние пришло позже, что лезгины живут по соседству с тюрками, этим обстоятельством обуславливается то, что у нас тюркского влияния больше, чем русского.

Это больше всего заметно по языку лезгин, в котором больший процент тюркских слов, чем в других языках Дагестана. Это вполне естественно. Язык всякого менее культурного народа всегда находится под влиянием языка более культурных народов и, в особенности, более культурных соседей.

Для примера возьмем, хотя бы, язык азербайджанских и османских тюрок, которые находились и находятся под сильным арабо-персидским влиянием. Не говоря о литературном тюркском языке, который на 60—70 проц. состоит из арабских и персидских слов, но даже в простонародном языке имеется большой процент арабизма — персизма.

На том основании, что в нашем языке больший элемент тюркизма, правильнее сказать арабизма—фарсизма, чем в других языках Дагестана, некоторая часть тюркско-образованной лезгинской интелигенции склонна причислить лезгин к тюркам. Если последовать методу наших тюркизаторов, то с таким же успехом самих тюрок можно было причислить к арабам, на том основании, что в их языке большой процент арабизма, что их язык обогащается за счет арабского, фарсистского языков, но однако-же сами тюрки не приходят к таким нелепым выводам, как наши тюркизаторы по отношению к лезгинскому языку.

Они забывают одно, что от заимствования слов другого языка язык не исчезает, а наоборот обогащается: как тюркский язык обогащается за счет арабского и др. языков, так-же наш лезгинский язык обогащается заимствуя тюркские слова и др. Но никто из нас не станет отрицать, что в нашем языке тюркское влияние сильнее чем русское и др., но из этого мы не создаем иллюзий на счет полной тюркизации лезгин, как это делают наши тюркизаторы. Посмотрим, на самом деле, какую роль играет тюркский язык в лезгинской деревне?"

В дальнейшем Г. Гаджибеков отвечает на этот вопрос:

„На территории, занимаемой лезгинами: Самурский и Кюринский округа ДССР, Кубинский уезд АССР полное господство принадлежит родному языку. Язык партпросвещения, язык нашей агитации и пропаганды, язык совпартаппарата, начиная от самых низовых и кончая окружными,

является именно родной язык лезгинских крестьян".

И далее —

„На тюркском языке ведется только делопроизводство в сельских органах. В этих органах все заседания и доклады происходят на родном языке, но так как на этом языке нет письменности, то фиксация различных решений производится на тюркском языке".

Эти свои утверждения Г. Гаджибеков иллюстрирует несколькими фактами и заканчивает свою мысль следующим образом:

„Таким образом, тюркский язык имеет очень ограниченную сферу влияния в лезгинской деревне. Родной язык и только родной язык является господствующим языком, языком агитации и пропаганды.

Из всего вышесказанного видна необоснованность и необ'ективность утверждения наших тюркизаторов, которые распространяют легенды о лезгинских тюрках".

Но выступая столь энергично против ассимиляции лезгин тюрками, Г. Гаджибеков не отрицает значения тюркского языка (не указывая точно наречия) в условиях Дагестана и не проявляет к нему слепую нетерпимость.

„Не думайте, читатель, — говорит он — что мы здесь выступаем против тюркского языка. Нет, этот язык нам необходим, как язык междуплеменных сношений в многоязычном Дагестане. Этим своим выступлением мы хотели бы только рассеять легенды о лезгинах-тюрках и тем самым показать то место, которое действительно занимает тюркский язык в лезгинской деревне". (Разбивка наша—А.).

Следующим выступил А. Минеев („Кр. Даг." от 27-I-28) в статье под заглавием — „Проблема языка в Дагестане".

„В отношении межплеменного языка— пишет А. Минеев—можно констатировать, что развитие Дагестана не выдвинуло ни одного такого языка, годного для всего Дагестана...

...Товарищи считающие, что тюркский язык уже завоевал себе прочное положение межплеменного языка, совершенно неправы и это убеждение ничем не обосновано. Факты говорят совершенно обратное. Из рассмотрения цифр, характеризующих одноязычность дагестанского населения, видно, что 94·7 проц. одноязычно и только 5·3 проц. пользуются кроме родного еще каким нибудь языком, при чем эти 5·3 проц. к тюркскому языку целиком отнести нельзя, т. к. в Андийском округе, имеющем наименьший процент одноязычных (76 проц.), пользуются, как правило, для межплеменных сношений аварским языком.*)

Единственный округ, в котором тюркский язык имеет солидный удельный вес— Самурский, но это благодаря тому, что лезгины, населяющие этот округ, не имеют своей письменности и пользуются тюркской.

Учитывая приведенное, мы утверждаем, что тюркский язык пока не имеет данных претендовать на роль универсального межплеменного языка в Дагестане".

В дальнейшем А. Минеев переходит к критике проэкта резолюции ДК ВКП(б) о языке и предлагает в конце свой собственный проэкт. При этом он весьма часто выходит из рамок спокойного об'ективизма, прибегая нередко к демагогии, уснащая свои мысли цитатами из Ленина и явно стараясь подчеркнуть свою „коммунистическую правоверность" и „лойяльность" по отношению Москвы.*)

Критику проэкта резолюции ДК ВКП(б) начинает он так:

„Нам кажется, что в проэкте взята неверная линия в разрешении языкового вопроса. Проэкт делает установку на три языка: родной, тюркский и русский, при чем тюркский и русский, как обязательные (подчеркнуто А. Мин.) предметы в нашей школе. В этом ошибка. Параграф 7-ой проэкта говорит — „в соответствии с вышеизложенным во всех школах 1-ой ступени Дагнаркомпроса, на протяжении всего курса обучения, языком преподавания, как правило, должен быть родной язык. Тюркский язык вводится со второго полугодия первого года обучения (лексически) и русский с третьяго года обучения, как обязательные (подчеркнуто А. Мин.) предметы оба".

Владимир Ильич особенно настойчиво бичевал людей, стремящихся навязать силой какой-либо язык в школе, да и не только в школе.

Из чтения проэкта складывается убеждение, что родные языки и их развитие должны сознательно тормозиться и в заключении вытесняться тюркским языком;

---

*) Между прочим „андийский язык", на существование которого ясно намекает А. Минеев, является лишь поднаречием аварского наречия-языка. А.

*) Возможно, что Минеев — русский; фамилия не говорит ясно о его кавказской принадлежности.

об этом достаточно ясно говорят §§ 5, 7 и 8. Такие тенденции недопустимы, хотя бы они и проистекали из лучших побуждений".

Далее, А. Минеев переходит к „тенденциям тюркизации Дагестана".

„Тенденции тюркизации Дагестана — говорит он—ясно видны в проэкте, а надо сказать, что проведение в жизнь этой тенденции чревато весьма нежелательными для соввласти и партии последствиями. (Подчеркнуто нами. Видимо, этот момент является наиболее важным моментом для А. Минеева во всей дискуссии — А.). Сам по себе тюркский язык — в тех наречиях, которые имеются на территории СССР, — имеет большие различия и на них даже в совокупности не имеется достаточной литературы. Имеется еще тюрко-османское наречие и вот на этом то совершенно чуждом Дагестану языке и проводится преподавание, т. к. учебники составлены на этом наречии".

В доказательство А. Минеев приводит слова Караева—видного азербайджанского коммуниста,—которые последний высказал на страницах московской „Правды" в 1927 году.

„Интересны в этом отношении утверждения т. Караева, он говорит: „возьмем к примеру Дагестанскую республику. Что там происходит? Господствующим наречием в Дагестане теперь является османское (подчеркнуто А. Мин.) наречие, между тем как той части Дагестана, которая говорит на тюркском языке, османское наречие чуждо: ей ближе азербайджано-тюркское наречие. Это происходит потому, что составителями учебников для Наркомпроса Дагреспублики являются офицеры из остатков турецкой армии или-же турецкие пленные. Благодаря этим людям, теперь молодежь получает воспитание на османском наречии".

Далее А. Минеев продолжает свои собственные рассуждения:

„Мы не будем говорить об идеологических „перлах" этих учебников, — говорит он — т. к. там уже совсем что-то фантастическое и при том скверно политически пахнущее (разбивка наша — А.). По утверждению т. Караева на османском наречии издаются не только учебники, но и газеты и журналы.

В Украине одно время среди некоторых групп культурных работников были тенденции ориентироваться не на Москву, а на Берлин — т. е. на Запад. Партия с ними (тенденциями) боролась и их поборола *).

Не является-ли эта османизация учебной и политической литературы своеобразным „уклоном" ориентации не на социалистическую Москву, а на национально-буржуазную Ангору и Константинополь (подчеркнуто нами — А.). Если такие тенденции есть или, паче чаяния, будут, мы должны самым беспощадным образом бороться с ними и людей, их проводящих, разоблачать перед трудящимися".

Сделав столь многозначущее заключение с определенным намеком на карающую руку ОГПУ, А. Минеев приводит свой собственный проэкт решения языковой проблемы в Дагестане. Проэкт этот сводит он к следующим 6 пунктам (приводим дословно):

1. Родные языки должны быть положены в основу разрешения языковой проблемы, при чем это должно проводиться при постепенном перестроении по ним и средней школы и т. д. 2. Помимо родного языка не должно быть других обязательных языков, при чем в школах 1 ступени не допускать прохождения больше двух языков, включая сюда и родной язык, т. к. большое количество языков будет непосильным бременем для учащихся. 3. Второй язык в школах определяется запросами населения. 4. Не считать тюркский язык межплеменным, т. к. к этому нет оснований, и не обязывать работников не тюркских округов знанием его. 5. Ликвидировать тюркские педтехникумы, заменив их такими или такой организации, которая готовила бы преподавателей на родных языках и таким образом, чтобы они были советскими педагогами в полном смысле этого слова. 6. В данное время говорить о межплеменном языке преждевременно, т. к. ни один язык не удовлетворяет требованиям, которые должны пред'являться такому языку, а искуссвенное насаждение такого языка даст обратные, партии нежелательные, результаты.

Как мы видим, в этих 6 пунктах А. Минеев, под видом „установки на родные языки", проводит защиту позиций русского языка, который, при изгнании тюркского языка в условиях современного Дагестана, должен занять там несомненно первенствующее положение. Эту позицию А. Ми-

*) Недавняя „чистка" на Украине после самоубийства Скрыпника говорит, как раз, об обратном тому, что утверждает А. Минеев. Украина упорно не желает ориентироваться на Москву, а ориентируется, именно, на Запад.—А.

неева удачно разоблачил следующий участник дискуссии — В. Тарбеев, который не убоялся ни „карающей руки" ОГПУ, ни угроз самого Минеева и по пунктам разбил все „доводы" последнего.

„В начале своей статьи т. Минеев — начинает свою статью В. Тарбеев („Кр. Даг. от 2 и 3 фев. 1928 г.) — приводит крайне дельные рассуждения товарищей, считающих необходимым для успешного строительства социализма в Дагестане принятие государственного языка и затем, совершенно не разбивая их, противопоставляет крайне слабо аргументированную защиту необходимости развития родных языков...

...Курс на развитие только родных языков сорвет совершенно дело советского строительства в Дагестане.

Во что иное обратятся при культивировании многоязычия Вседагестанские с'езды, высшие органы страны, как не в собрания — во всяком случае не деловые — совершенно не понимающих друг друга людей. Центр руководит местами, но попробуйте-ка проводить в жизнь директивы при наличии такого многоязычия...

А в каком положении окажется культурное строительство? Ведь не секрет, что письменность на родном языке (там, где она есть: у аварцев, даргинцев, например) гораздо сложнее тюркской письменности. А сама тюркская письменность настолько тормозит дело культурного развития Азербайджана, что самыми энергичными мерами там проводится новый алфавит. Может быть т. Минеев хочет латинизировать родные языки?"

Выяснив, что не к этому стремится А. Минеев, Тарбеев говорит далее:

„Судя по дальнейшему, он (Минеев) это прекрасно понимает и вся его статья есть лишь искусно замаскированная защита русского языка".

И немного далее —

„Он яростно набрасывается на тюркский, и только тюркский, язык (приведенная цитата из сочинения Ленина о великорусском языке имеет целью лишь отвергнуть идею единого госуд. языка). Основываясь на статье т. Караева, он повторяет: тюркизация вылилась в османизацию, повинен в этом Даг. Наркомпрос, который поручает дело воспитания юношества турецким офицерам и турецким пленным, османизация же — это ориентация на мелко-буржуазиую Ангору и т. п.".

Далее, показав необоснованность утверждений Караева — т. е. выяснив, что никакой „османизации" в Дагестане нет, Тарбеев восклицает:

„Зачем, почему османский язык отождествляется с формой правления в Турции? Никому в голову не придет вопить о „шейдеманстве" при виде инженера, изучающего немецкий язык. Что-же касается до идеологических ляпсусов, то во первых, присутствие их отмечалось больше в книгах, написанных на аварском (и, кажется, кумыкском) языке, а во вторых, разве Москва всегда представляет вполне выдержанный товар?

Желая во что бы то ни стало разделаться с тюркским языком, Минеев предлагает „ликвидировать тюркские педтехникумы, заменив их такими или такой организацией, которая готовила бы преподавателей на родных языках".

Как назвать такое предложение? Это просто несерьезность какая то!

Как будто непонятно, что для обучения на родных языках нужны учебники на этих языках, нужны и преподаватели.

В буйнакском *) педтехникуме на 1.X-1927 было 51 кумык, 34 аварца, 22 лака, 22 лезгина, 12 даргинцев и т. д. Обучение ведется на тюркском языке. Будут-ли окончившие в состоянии преподавать на родных языках? Будут. Ибо положительные знания могут быть получены на любом языке".

Переходя непосредственно к критике проэкта Минеева, В. Тарбеев говорит:

„По мнению т. Минеева в 1 ступени можно преподавать только два языка, включая сюда и родной. Значит, не родной — один. Заметим это. Тюркский язык Минеевым блестяще вытеснен из Дагестана: османизация, ориентация на Ангору и прочие страхи, тюркские педтехникумы закрыты.

Какой же язык можно изучать в школах 1 ступени?

Очевидно, только русский. И так как во всех школах 1-й ступени всех племен Дагестана будет изучаться только русский язык, то яснее ясного, что т. Минеев приходит к единому государственному всем понятному языку — русскому, ибо хотя т. Минеев и предлагает населению „выбирать" язык для изучения в шк. 1 ступ., но какой чудак будет учить своих детей в 1 ступени тюркскому яз., чтобы на 1 ст. и закончить это обучение — ведь по мнению т. Минеева техникумы тюркские должны ликвидироваться".

*) Темир-Хан-Шуринском — А.

Заканчивается статья следующим образом:

„Мне кажется наиболее целесообразной система двух языков. Тюркский язык, чтобы ни говорил т. Минеев, имеет под собой основу.

1. Тюркский язык распространен в южном Дагестане, особенно потому, что лезгины не имеют своей письменности, да и вообще юж. Дагестан тяготеет к Азербайджану.

2. На севере большинство населения кумыки — народ тюрко-татарского племени. Язык тюркский им безусловно близок.

3. Горные районы не могут обойтись без плоскости. Необходимость бывать на плоскости, соприкасаясь с населением, говорящим на тюрко-татарских языках, неизбежно приводит к постепенному усвоению и ими тюрко-татарских языков (многие аварцы знают поэтому кумыкский язык).

4. Нельзя отрицать пока значение религии: тюркский язык ближе всем народам Дагестана уже по одному тому, что он язык мусульманский *).

О русском языке писалось уже достаточно. — Это язык октябрьской революции.

Само собою понятно, что этими двумя языками родные языки не уничтожаются".

После В. Тарбеева, выступали еще два сторонника тюркского языка — А. Агжигитов и А. Гаджиев и один сторонник русского языка — учитель Е. Ш.

Рассуждения Агжигитова отличаются деловым об'ективизмом и с этой стороны, во многом напоминают рассуждения Г. Гаджибекова — первого участника дискуссии.

Задавая сам себе вопрос, — верна-ли установка на родные языки? — Агжигитов отвечает:

„Мы знаем, что языковая проблема, вернее языковая неразбериха, сложились в Дагестане исторически. Откуда это множество языков и наречий взялось — история нам никаких данных об этом не дает; где корни и основы этих языков — нам также неизвестно.

Делая основную установку на родные языки, сможем-ли мы вместе с другими народами нашего Союза итти в одной шеренге к новой культуре? Сможем-ли мы установить нормальные условия управления Дагестаном без необходимости делать переводы декретов, распоряжений на многие местные языки через безграмотных переводчиков? Наконец, делая установку на три языка: на родной, тюркский (в двух его наречиях — тюрко-кумыкский) и русский, изменяем-ли мы существующее сейчас положение? — Конечно, нет.

Чего-же мы добиваемся этим? Зачем мы годами обсуждали этот вопрос, если нас удовлетворяло уже существующее положение, этого я не понимаю.

Приходится категорически утверждать, что существующее положение нас абсолютно не удовлетворяет и что наше отставание и задержка темпа развития культурно-хозяйственной жизни вызывается благодаря наличию у нас десятка языков-наречий. Это положение заставляло и заставляет нас сейчас искать пути к разрешению вопроса о языке таким образом, чтобы обеспечить нормальные условия как для местного управления, так и для политического и культурного развития населения Дагестана".

К этим путям Агжигитов подходит следующим образом:

„Что значит установка только на один русский язык? Мы знаем, что в Дагестане в течении 60 — 70 лет насаждался русский язык как в области управления, так и школы. Несмотря на экономическое и культурное значение этого языка, он все-же не смог завоевать себе авторитета и укрепить свои корни в массе.

Многие выступавшие в печати товарищи горько ошибались, утверждая, что без русского языка нельзя вести работу советов и других организаций даже в аулах. Из этого как будто-бы нужно заключить, что весь Дагестан говорит и грамотен на русском языке. Один из товарищей, кажется Махмудов, даже поскромничал, утверждая, что больше 50 проц. Дагестана уже владеет русским языком. Все это неверно и не соответствует действительности.

Раз русский язык не может быть языком массы, раз родные языки-наречия в своем множестве не могут получить соответствующее развитие и на этих языках темп развития племен Дагестана будет протекать медленее, то нужно ставить вопрос — какому же языку мы должны дать преимущество, т. е. какой же язык в конечном счете должен быть в Дагестане языком управления и школы? Этот вопрос безусловно основной.

Какой же язык имеет наибольшее преимущество и распространение в культур-

*) Ссылка на религию в данном случае — это уже определенная „дерзость". Говорить так в советских условиях даже в 1928 г. было опасно. — А.

ной и экономической жизни Дагестана? Несомненно, что таким языком является тюркский. Он является родным языком среднего и северного Дагестана (т. е. в Кумыкетии — А.) и основным в южном Дагестане.

При установке в основном на тюркский язык в Дагестане, мы должны будем столкнуться с вопросом, как же быть, при введении этого языка, с языками нагорного Дагестана, поскольку не все население этой части Дагестана владеет тюркским языком. Конечно, сразу перевести в этих районах на тюркский язык и местное управление, и школы—не нужно. Усвоение тюркского языка аварцами, даргинцами и лаками должно протекать постепенно, в связи с переселением горцев на плоскость, введением преподавания тюркского языка в школах этих племен и т. д. Это будет естественно и правильно, т.к. конечная цель наша, это — создать внутри нашей маленькой страны один наиболее культурный язык".

Далее Агжигитов переходит к роли русского языка и говорит, что „его значение определяется тем, что он является межнациональным языком нашего Советского Союза и, поскольку Дагестан является частью этого Союза (!), ему нужен этот язык для связи с союзными, федеративными органами и всеми братскими народами. И далее — „он нужен как язык всесоюзной коммунистической культуры" и „нужен для местного актива и изучение его активом несомненно является необходимым". На этом, согласно Агжигитова, ограничивается роль русского языка. Он необходим только для „местного коммунистического актива" и то постольку, „поскольку Дагестан являтся частью Советского Союза".

„Но это не значит, что русский язык может явиться в Дагестане языком местного управления и широкого общения масс" — этой фразой заканчивает Агжигитов главу о роли русского языка.*)

Свое конкретное мнение Агжигитов предлагает в следующих трех пунктах (дословно):

1 — Школа первой ступени, в связи с проведением языковой реформы, должна быть создана из 5 групп, с тем, чтобы дать возможность более полно пройти тюркский язык и в известной степени и русский язык, т.е. на первом году — родной язык с введением со второго года обучения тюркского языка и с 4-го года — обучения русского языка, при чем переход на тюркский язык должен быть с 4-го года, как на основной язык. Это нужно сделать в нагорном Дагестане, а на плоскости — перевести на тюркский язык с первого же года обучения, с введением русского языка здесь уже с 3 года.

2— Обучение в школах повышенного типа (семилетка, педкурсы, профтехнические школы и т.д.) производить на тюркском языке с обязательным прохождением в них русского языка.

3— За нацменьшинствами, населяющими территорию Дагестана, сохранить право строить свои школы на своих языках.

Этим конкретным предложением Агжигитов заканчивает свое выступление.

Выступление А. Гаджиева носит уже иной характер. Судя по тону выступления, автор принадлежит к числу тех рьяных „тюркизаторов", о которых вспоминает Г. Гаджибеков и которые в тюркском языке (вернее в каком-либо из наречий этого языка) видят не техническое средство в нашем национальном сожительстве, а средство полной тюркской ассимиляции Дагестана с одновременным исчезновением всех местных наречий — языков.

Гаджиев полемизирует с Гаджибековым и Минеевым, при чем, не стесняясь, извращает приводимые последними (собственно, Гаджибековым) факты и вообще с фактами не церемонится.

Так например, он совершенно исказил данные Гаджибекова о распространении тюркского языка в южном Дагестане (в Самурском и Кюринском округах).

„Лезгины не могут быть тюрками также, — пишет Гаджиев — как и тюрки не могут быть лезгинами; но что большинство лезгин говорит на тюркском языке и находится на пути полной тюркизации потверждается им-же (т. е. Гаджибековым — А.). приводимыми данными переписи 1926 года. По данным переписи, говорящих на тюркском языке — 93.2 проц. в Кюринском округе и 77.3 проц. в Самурском округе. Но т. Гаджибеков убежден, что это недостаточный процент".

Как видим, Гаджиев здесь не только совершенно переиначил данные переписи 1926 г., но и пытается свои данные обратить против Гаджибекова.

В дальнейшем он длинно пишет о „скудности" лезгинского языка, говоря в заключении:

---

*) Статья Агж. „Какой язык имеет преимущество в Дагестане?" помещена в „Кр. Даг." от 14-II-28.

„Чтобы посторонний читатель имел представление о скудности запаса лезгинских слов, я привожу несколько слов, которых нет в лезгинском языке: ум, мысль, воображение, соображение и т. д.”

И далее —

„Остановлюсь на языке агитации и пропаганды, которым т. Гаджибеков считает язык лезгинский. Нет, товарищи. Это не лезгинский язык, это вообще не язык, а пытка для оратора и слушателей. Этот язык состоит из тюркского, русского и совсем малого процента лезгинского языков. Характерен случай, приводимый самим т. Гаджибековым, с одним добросовестным докладчиком лезгином, который отказался устно выступить на собрании и представил лишь письменный доклад на тюркском языке, так как передать этот доклад на лезгинском языке он не мог” *).

Несмотря на столь сильные „тюркизаторские” склонности, в своих конечных выводах Гаджиев сохраняет „осторожность“.

„Лет через 10—15 государственный язык придет сам собой — он будет русский или тюркский, или и тот и другой вместе“ — пишет он в заключении своей статьи.

Наконец, приведем еще мнение открытого сторонника русского языка — учителя Е. Ш. („Кр. Даг.” от 13.II.28).

„Родной язык — пишет Е. Ш. — необходим в школе, как язык ребенка, язык его семьи и окружающей среды. Доказано, что как бы ни владел человек другим языком — лучшим его трудом, лучшим изложением его мыслей будет родной язык.

К сожалению, родному языку даже в округах с почти однородной по племенному признаку массой населения (Аварский, Гунибский, Андийский округа) отводится в школе далеко не подобающее место. Ребенок 7—8 лет, поступающий в школу, слышит родной язык только с первого полугодия первого года обучения. Со второго же полугодия ему преподносится совершенно чуждый язык — тюркский, который с этого момента начинает вытеснять родной язык, а к началу третьего года обучения совершенно изгоняет его из школы. На третьем году вводится русский язык, занимающий тоже весьма незавидное положение в школе”.

Далее, переходя к характеристике значения русского языка, автор говорит:

„Чаще всего наблюдаешь у окончивших пятилетку сожаление о труде, потраченном на изучение тюркского языка, знание которого, в силу окружающих условий, обреченно на постепенное забвение“ *).

Говорит автор и о „культурной роли” русского языка, но чувствуется, что основным стимулом, делающим из него сторонника русского языка, являются — „окружающие условия”.

Особенно ярко это стимул выявляется в заключительной части статьи, где он пишет следующее:

„Учащиеся дагестанских школ могут завидовать детям других соседних нацменьшинств (кабардинцы, черкесы, карачаевцы, балкарцы и др.). Те проходят школу на двух языках — родном и государственном, т. е. русском, имеют возможность скорее и лучше развиться и подготовиться к поступлению в школу повышенного типа, где уже им придется изучать и иностранные языки (немецкий, английский, французский)”.

Таким образом, для Е. Ш. отсутствие школ „повышенного типа” на ином, кроме русского, языке является главным поводом фаворизации им русского языка. Если „окружающие условия“ изменятся, изменится, наверное, и отношение Е. Ш. к русскому языку.

* * *

Кроме всех перечисленных выступлений, „Кр. Даг.” уделил место и для ряда выступлений повторных: выступили еще по разу Минеев и Гаджибеков.

Минеев отвечал Тарбееву, причем ответ этот, как и в первом случае, носил демагогическо - подхалимский характер и изобиловал ссылками, на „Владимира Ильича” и прочие партийные „авторитеты” (резолюции различных с'ездов ВКП(б) и т. п.).

---

*) Случай этот у Гаджибекова в действительности описан так: „Летом 1927 г., в бытность мою в Кюринском округе, на заседании ком'ячейки села Уллу-Гатаг был поставлен доклад о работе Даркушского сельсовета. Когда предоставили слово для доклада председателю упомянутого сельсовета, он говорит: „Я неграмотный, доклад написан — пусть прочтет мой секретарь, а если потом будут вопросы, отвечу сам”. Доклад был написан на тюркском языке. Как вы думаете, читатели, на каком языке читал это секретарь? Конечно не на тюркском языке, а на лезгинском, потому что большинство участников собрания не понимают тюркский язык. Как видите, какую „большую” роль играет тюркский язык в сельорганах” („Кр. Даг.” от 19.I.28).

Как видим и мы, Гаджиев и в этом случае допустил извращение факта и этот момент является характерным для всех его выводов.

*) Разбивка наша — А.

Но, зато, по-прежнему обстоятельным был ответ Гаджибекова. Как и следовало ожидать, отвечал он своему соплеменнику Гаджиеву („Кр. Даг." от 14.II.28).

В своем ответе он остановился на тех искажениях, которые допустил в отношении приводимых им фактов Гаджиев и которые были отмечены и нами.

Таким образом, он указал на то, что Гаджиев исказил его данные о владеющих тюркским языком в Самурском и Кюринском округах, переиначил случай с председателем Даркушского сельсовета и совершенно тенденциозно охарактеризовал природу современного лезгинского наречия.

В последнем случае Гаджибеков пишет так:

„В другом месте он (Гаджиев) хотел показать „скудность запаса лезгинских слов", но здесь он сам обнаружил свое полное невежество в знании своего же родного языка.

Он говорит, как будто в лезгинском языке нет слова — „ум" — „мысль" и т.д. Могу сообщить, что на лезгинском языке ум — „акул", а мысль — „фикир".

Спрашиваю, есть-ли в тюркском языке эти слова? Конечно, нет. Лезгины, вместе с тюрками и другими горскими народами, заимствовали эти слова у арабов. Возьмите тюркский язык, вы там найдете не меньше арабских и фарсистских слов, чем в лезгинском тюркских".

В заключение Гаджибеков называет Гаджиева „бакинским тюркизатором" и просит его „смотреть на Дагестан глазами дагестанца, а не через азербайджанские очки".

На этом мы закончим рассмотрение дискуссионных статей и перейдем в следующей главе к рассмотрению резолюций, которые поступали в редакцию „Кр. Даг." с мест.

(Продолжение следует)

Письмо в редакцию

От председателя партии „Мусават" г. М. Э. Расул-заде редакцией получены для опубликования нижеследующие письмо и материал:

М. Г., господин редактор!

Ввиду нарушения журнальной этики и проявления явной пристрастности к нам редакцией журнала „Кавказ", настоящее мое письмо, являющееся ответом на письмо Х. б. Хасмамедли, напечатанное в 5-ом номере означенного журнала, посылаю Вам, с просьбой не отказать в любезности напечатать его в очередном номере уважаемого журнала „Горцы Кавказа".

С совершеннейшим почтением

М. Э. Расул-заде.

ПО ПОВОДУ ОДНОЙ ФАЛЬСИФИКАЦИИ

(Ответ Халил бею)

В 4-ом номере ежемесячника „Кавказ", издающегося в Париже, было помещено письмо за подписями господ Х. б. Хасмамедли, Ш. б. Рустамбейли и С. б. Агасибейли, где названные лица сообщали о якобы состоявшемся конгрессе партии „Мусават" и о мнимой перемене в ее руководстве.

В опровержение этой лжи своевременно было помещено официальное сообщение партии „Мусават" в 58-ом номере газеты „Истиклал" и одновременно в журнал „Кавказ", ставший средством ввода в заблуждение общественного мнения, были посланы следующие письма:

I

Милостивый Государь,

господин редактор!

В апрельском номере Вашего журнала „Кавказ" помещено письмо за подписями Х. б. Хасмамедли, Ш. б. Рустамбейли и С. б. Агасибейли, где они сообщают о будто бы состоявшемся конгрессе партии „Мусават", имевшем место 18-го декабря 1933 года.

Настоящим считаю нужным заявить, что это сообщение с начала до конца является вымышленным. Никакого такого конгресса партии „Мусават", о котором говорится в помещенном в Вашем журнале письме, не было и вышеозначенные лица просто ввели Вас в заблуждение. Этот обман является плодом интриги исключенного из партии Ш. б. Рустамбейли и сделан в целях фальсификации общественного мнения.

Прошу Вас в целях восстановления истины поместить настоящее письмо в очередном номере „Кавказа".

С совершенным почтением

М. Э. Расул-заде

Председатель партии „Мусават".

II

В № 4 журнала „Кавказ" было помещено письмо за подписью трех лиц, где говорится, будто в декабре 1933 года состоялся конгресс партии „Мусават", на котором избран новый председатель и центральный комитет партии. При этом имя этого нового председателя почему-то не названо, и для всех остается секретом, кто-же это таинственное лицо, которое по указке господ Агасибейли хочет возглавлять целую партию.

Мы, нижеподписавшиеся, ответственные деятели партии „Мусават" настоящим заявляем:

1 — Никакого конгресса партии „Мусават" не было.

2 — Названное выступление имеет целью ввести в заблуждение общественное мнение и хочет „по своему" помешать работе и деятельности партии „Мусават".

Кому это нужно? — Пусть судит сам читатель.

4 — Письмо это является результатом антипатриотической интриги исключенного из партии „Мусават" Ш. Рустамбейли и нескольких плетущихся в его хвосте безответственных лиц.

Для восстановления истины мы просим Вас, г. редактор, поместить настоящее наше письмо в очередном номере Вашего журнала.

С совершенным почтением

Мустафа Векилли, Мирза-Бала, Али Азертекин, Ахмет Джафар оглу, Хилал Мунши, Мехмет Али Расул-заде, Аббас Кули Касум-заде.

Редакция ж. „Кавказ", помещая эти письма в 5-ом своем номере, к сожалению, не могла воздержаться от непристойного, с точки зрения журналистической этики, поступка — заранее показала наши письма противной стороне и, получив ее „ответ", поторопилась поместить его в томже номере вслед за нашими письмами; тогда как, помещая в 4-ом номере письмо 3-х фальсификаторов под заглавием „Сообщение партии „Мусават", почтенная редакция вовсе не почувствовала нужду в этом случае кого-либо предупредить. Таким образом, она явным образом нарушила принцип беспристрастности в пользу поставщиков, очевидно необходимых редакции, „сенсаций".

„Ответ", помещенный в № 5 „Кавказа", подписан Х. б. Хасмамедли. Вероятно, он же является тем легендарным председателем, которого так ревниво держат под 9-тью колпаками.

С нервозностью человека, уличенного в явной лжи, Х. б. Хасмамедли, взявшись за перо, „твердо стоит" на позиции, сердито настаивая на том, что конгресс состоялся.

Для лиц, решивших пользоваться фальсификацией общественного мнения как орудием политической борьбы, конечно, нет иного пути, как нагло отстаивать правдивость ими же сфабрикованных „фактов", „возмущенно" не допуская при этом „никаких споров".

Но они ошибаются, если всех принимают за таких же политических маклеров, которые в поисках дешевого товара способны соблазниться их фальсификатами.

Как созываются партийные конгрессы, как заменяются продседатели партий? — Как откалываются группы от партии или же как отмежевываются друг от друга группы и течения в одной и той же партии? — ведомо всем. Как принято действовать в подобных случаях — об этом знают также все мало-мальски грамотные политически люди.

Что это за конгресс, который собираясь для решения столь важных проблем, который заменяя своего общепризнанного лидера, вот уже 16 лет беспрерывно возглавляющего партию, действует в тайне от всех, не дает о себе знать не только всем более или менее видным членам партии, но и самому председателю, которому, впрочем, собирается вынести осудительное решение?!

Что за конгресс, о котором самые ответственные деятели партии, с самого основания занимающие в ней ответственные посты и по сей день выполняющие наиважнейшие функции, абсолютно ничего не знают?!

Что за конгресс, который собирается в 1933 году, принимает ответственные решения, и до апреля 1934 г. никто об этом ничего не знает, — даже заочно осужденному председателю не сообщается о том, что он отныне лишен права называться председателем и выступать от имени партии?!

Посторонним лицам все это покажется очень странным. Но нас эта странность не удивляет, ибо мы знаем, что вся эта сказка о конгрессе является ни чем иным, как только нископробным продуктом злостной интриги, являющейся следствием энергичного выступления партийцев с требованием исключения Ш. б. Рустамбейли из рядов партии „Мусават", что стало фактом.

Халил-бей может остаться с Шафибеем, общество последнего и Селим-бея он может предпочитать другим. Мы можем его уверить что этим самым он только обрадует тех товарищей, которых он так желчно хочет оскорбить. Число членов партии, публично осудивших Шафибековщину ныне превышает 60 человек. Неужели же все эти лица получают от партии жалованье?!

Ему ведь — лучше, чем кому-либо другому — известно, что мы не богаты и, вовторых, не желаем за деньги вербовать себе сторонников. Если это было бы так, то он первый не очутился в оппозиции и не занимался бы сочинением басен о разных конгрессах.

Может быть Халил-бей не откажет в любезности об'яснить нам — почему о конгрессе, состоявшемся в 1933 году, президиум конгресса счел нужным подписать публикацию только 24 марта 1934 года?.. Нет-ли какой-либо связи между лишением его, Халил-бея, жалования, начиная с марта, и этим злополучным мартовским актом?!..

Какие бы не были побуждения, они — эти 3 - 4 человека — могут отколоться от партии и оставаться за ее бортом. Это их право. Они могут быть уверены, что, осуществив это право, они прежде

всего обрадовали нас, избавили нас от обузы.

Но для выявления подобных актов имеются соответствующие формы — формы уважающих себя лиц, формы честных людей. Метод же, принятый ими сейчас, является методом провокации, лжи и фальсификации. Фактическое руководство при применении этого метода действия, нет сомнения, пранадлежит Ш. б. Рустамбейли, которого его нынешний товарищ С. б. Агасибейли не так давно назвал ни кем иным, как азербайджанским Азефом. Официальное выступление по этому позорному делу Халил-бей мог-бы оставить ему же, своему верному другу, т. е. тому же Шафи-бею. Такой шаг больше отвечал бы и его преклонным летам, и его седине.

М. Э. Расул-заде

Председатель партии „Мусават".

О редакторском произволе

Г-н Гвазава — официальный редактор журнала „Прометей" — упорно не желает уяснить себе, что наш общий орган не является его частным предприятием, в котором он может писать, что ему вздумается и как ему вздумается.

Когда-то на страницах „Прометея" он, вслед за Лео Нуссенбаумом — Эссад-беем, занимался восхвалением Сталина, не так давно он поместил о нашем журнале явно провокационную заметку, исказив смысл нашей передовой и затем, когда на непозволительность его поведения обращено было внимание, поместил не менее скандальное „опровержение". Если просмотреть старые номера „Прометея", то редакторские „гаффы" г-на Гвазавы можно цитировать до бесконечности.

Последние номера журнала позволяли предполагать, что своеволию г-на Гвазавы на страницах „Прометея" положен предел.

Однако, майский номер рассеял наши надежды. Он по-прежнему содержит очередной, правда немного запоздавший, „гафф".

Таковым считаем мы помещенный в журнале ненужно-подробный отчет о выступлении делегации „Грузинского общества друзей Лиги Наций" на конференции в Фолькстон.

Журнал „Прометей" является органом единства народов „Прометея"— и прежде всего народов Кавказа. Одна из задач его — демонстрировать это единство перед иностранными читателями.

В выступлениях-же делегации „Грузинского общества друзей Лиги Наций", исходя из отчета „Прометея", элементов этого единства мы не находим. Из отчета мы узнаем, что на конференции в Фолькстон долго и много говорил... г-н Гвазава — член делегации, и что только он удостоился получить... апплодисменты. Но как он, так и иные выступавшие члены делегации говорили только о Грузии и грузинской проблеме. Они, видимо, забыли, что разрешение грузинской проблемы тесно связано с разрешением иных братских проблем и что успех в данном случае зависит от точного соблюдения всеми лозунга — „один за всех, все за одного". И это — всегда и при всяких обстоятельствах, и тем паче там, где не всем посчастливилось получить возможность открытого выступления. Делегатам „Грузинского общества друзей Лиги Наций" следовало-бы обратить внимание на выступление министра А. Шульгина на том же собрании, где он, отстаивая права Грузии, сказал и о всех нас.

Мы надеемся, что „Грузинское общество друзей Лиги Наций" обратит должное внимание на поведение своей делегации в Фолькстон.

Но мы считаем своей обязанностью призвать к порядку г-на Гвазава — редактора нашего общего печатного органа. Долготерпению нашему пришел конец.

И мы спрашиваем: на каком основании на страницах „Прометея", который должен отображать наше единство, помещен документ, свидетельствующий обратное — полное отсутствие у членов делегации „Грузинского общества друзей Лиги Наций" чувства общекавкасской и прометеевской солидарности?

Может быть г-н Гвазава желает превратить страницы „Прометея" в трибуну саморекламы?!

Наш общий орган не должен служить его редактору для таких целей; не должен быть он и средством его личных выпадов, отображать его личные симпатии и антипатии. „Прометей" должен строго итти по тому пути, по которому ведет нас всех идея единства всех порабощенных Россией народов и идея Конфедеративного Кавказа. С. Б.

Среди книг и журналов

— Восточным Институтом и Варшавским Научным Обществом издана книга д-ра Л. Видершаля — „Кавказские дела в европейской политике" (Ludwik Widerszal —

„Sprawy kaukaskie w polityce europejskiej"). Автор описывает эпоху с 1831 — 1864 г.г. В одном из ближайших номеров нашего журнала книга будет рассмотрена более подробно*).

— Мусульманская община в Вильне приступила в начале т. г. к изданию собственного печатного органа под названием „Татарская жизнь" („Życie Tatarskie"). Аналогичный печатный орган под названием „Обозрение Ислама" („Przegląd Islamski") имеет и мусульманская община в Варшаве. Оба эти журнала помещают богатую хронику из жизни Мусульманского Востока, среди которой нередко можно встретить сведения и о жизни кавказских мусульман.

— В № 83 „Mariane" окончилась большая статья Zimmermann'a под заглавием — „Au jardin de Damas avec 30-em escadron Tchercesse". Статья начата приблизительно в № 75.

— „Возрождение" в № 3290 пишет о „любопытных вестях с Кавказа". „Там прекращено—пишет газета — культивирование возможно большего числа мелких диалектов и даже приступлено к „унификации" (ковычки „В-ния") диалектов, к выработке возможно меньшего числа литературных языков". „Надо думать, — добавляет газета — что воспротивились искусственному дроблению кавказские племена".

На этот раз мы не можем отказать в догадливости органу Гукасова—Семенова.

Адиль-Бек Кулатти.

*) Благодаря любезности проф. д-ра Ольгерда Гурки — директора Восточного Института, приславшего в наше распоряжение бесплатно несколько десятков экземпляров названной книги, мы ропсолагаем еще некоторым количеством экземпляров и можем, в свою очередь бесплатно, выслать книгу желающим. С просьбой о высылке следует обращаться по адресу редактора (Odyńca 35, Warszawa, Pologne), сообщив одновременно свой точный адрес — Р-ция.

ХРОНИКА

Muhacirler arasında — Среди эмиграции

11 MAYiS MERASiMi

Şimalî Kafkasya ilani istiklâlının 16 ci yıl dönümü münasebetile 11 Mayista, İstanbulda oturan vatandaşlarımız toplanarak bu şanlı ve tarihî günü bir arada tes'it etmişlerdir. Tes'tı merasiminde söylenen bir nutku derç ediyoruz:

„Ey dağlı kardeşler!

Asırlardanberi müstakilen yaşıyan Şimalî Kafkasyalıların istiklâlı, bundan 75 sene evvel rus çarlığının yedi hakimiyetine geçmişti

Rusya ihtilâlını müteakip 1918 de Şimalî Kafkasyalılar tekrar istiklâllerine kavuşmuşlardı.

Arkadaşlar, milletimiz arasında esaslı bir teşkilât, ciddi bir ittihat ve tesanüdün bulunmamasından dolayı maalesef milletimiz tekrar esarete mahkûm olmuştur. Bu esaret evelki çarlığın sürüsünden ibaret „bolşevizm" maskesi altında daha elim bir vaz'iyette milletimizi inletüp duruyor. Efendiler, 11 Mayis 1918 den bugüne kadar geçen 16 sene içinde Şimalî Kafkasya halkı arasında bolşevizm idaresine karşı millî bir duyğu ile yaşamak isteyen her fert merhamet görmeden bilâ kaydu şart imha edilmiştir.

1918 senesinde elde edilen büyük fırsattan azamî derecede istifade etmek kudretini itiraf edelimki—bir çok münevverlerimiz gösteremedi. Fakat böyle bir fırsatın yaklaştığı görülmektedir. Binaenaleyh hasıl olacak olan bütün fırsatlardan istifade etmek için lâzım olan tedbirleri alamaz ve icap eden fedakârlığı ihmal etmek suretile biz de vazifemizi yapmıyarak ayni cinayeti işlersek bir daha ele geçmesi çok ümitsiz olan böyle bir fırsatın kaybından dolayı evlatlarımız bizi ne kadar büyük bir şekilde telin etseler yeri vardır.

Muhterem arkadaşlar, vazih olan gayeye vüsul için azemî derecede vaziyeti umumıye ile alakadar olarak millî gaye ve teşekkûl etrafında toplanarak milî savaşımızın inkişafına müfit olmanız ehemmiyetle rica eylerim.

Bugün maziye elim bir surette karışan 11 Mayis, istiklâlımızın 16 ci senezi devriyesine müsadiftir. Bu mukadedles günü tes'it ve hepiniz tebrik eder ve gelecek millî bayramın güzel yurdumuzda yapılacağını kuvvetle ümit eylerim".

16-ая ГОДОВЩИНА ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ КАВКАССКИХ РЕСПУБЛИК

— По случаю 16-ой годовщины со дня провозглашения независимой Республики Северного Кавказа, 11 мая членами Народной партии горцев Кавказа и представителями северо-кавказской колонии в Станбуле было устроено в одном из частных домов торжественное собрание.

Одно из выступлений на этом собрании (речь г. Чингиза Даглы) приводится нами выше целиком в турецком оригинале.

— Вечером 30 мая праздновала день Независимости кавказская колония в Варшаве. Собрание было открыто М. Э. беем Расул-заде, а затем д-р Накашидзе, в полной темперамента и блестяще построенной речи, обрисовал присутствующим сущность кавказской проблемы. В заключении, от имени кавказской молодежи выступил студент Коммерческого Института в Варшаве Р. Зейнал-заде. После речей, собравшимся был предложен чай.

ОБРАЗОВАНИЕ „КОМИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ КАВКАЗА, ТУРКЕСТАНА И УКРАИНЫ" В ПАРИЖЕ

10 мая 1934 г. в Париже образован был „Комитет дружбы народов Кавказа, Туркестана и Украины". В члены комитета вошли: от Азербайджана—Мир-Якуб Мехтиев и Абас А. Алибеков, от Северного Кавказа—Ибрагим Чулик,, Грузии—Ак. Чхенкели, Туркестана — Мустафа Чокай-Оглы, от Украины—Ал. Шульгин и И. Косенко. Комитет выбрал временное бюро в составе Ал. Шульгина (председатель) и А. А. Алибекова (секретарь).

ТЮРКО-ТАТАРЫ ИДЕЛ-УРАЛА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

С 9-го и по 11-ое мая т.г. в гор. Кобэ происходил с'езд Культурных обществ тюрко-татар Идел-Урала, которые об'единяют в себе почти всю тюрко-татарскую эмиграцию в Японии (95%) и имеются во всех городах, где существуют тюрко-татарские колонии.

С'езд принял целый ряд важных решений. Прежде всего, он избрал постоянный Ц.К. с местопребыванием в гор. Кобэ, пожизненным председателем которого утвержден г. Аяс Исхаки. Затем, с'езд обратился к японскому правительству с просьбой из'ять из ведения Курбан-Али-Моллы, узурпировавшего право представительства интересов тюрко-татар в Японии, — дом мусульманской общины, школу при нем и типографию и передать это все в распоряжение ново-организованного Ц.К., т.к. вокруг последнего об'единяются ныне почти все тюрко-татары в Японии, которые не желают иметь ничего общего с Курбан-Али. Затем с'езд решил, что все духовные дела подлежат ведению особой секции при Ц.К. Культ. общ. тюрко-татар Идел Урала и что никто не имеет право возглавлять духовную общину без согласия названного комитета. Решено было также построить в Кобэ „Народный дом", при котором должны быть открыты школа, клуб, читальня и типография. Для этой цели тут-же, на с'езде, были собраны значительные средства и переданы в распоряжение Ц К. Вместе с этим, с'езд решил сейчас же приступить к изданию периодического печатного органа, который должен быть органом Ц.К Культурных обществ. В заключении решено было созвать в Мукдене в августе т.г. с'езд всех мусульман на Дальнем Востоке, а также принята была резолюция, в которой с'езд приветствует и желает успеха всем народам, об'единенным в „Прометее" и борющимся за свою независимость. (Г.З.)

ВЕСТИ С КАВКАЗА

— Наличие засухи на Кавказе подтверждают и сообщения советских газет. Согласно этих сообщений, в колхозах Северного Кавказа введена принудительная ручная поливка полей. Все — и стар, и млад — выгоняются на поля и здесь ведрами поливают растущие хлеба. Однако, как нам пишут из Персии со слов бежавших из СССР, призрак голода по-прежнему висит над СССР. Даже на Кавказе уже уменьшен хлебный рацион. Рабочие, которые должны получать в теории ежедневно 600 грамм белого хлеба, фактически получают не более 300—400 грамм кукурузного чурека. Мясные блюда, даже в рабочих столовых, уже не выдаются; два раза в неделю получают мясо только т.н. ударники. В продаже-же мяса нет совершенно. На Кавказе, на Северном и Южном, скопилось свыше 300 тыс. беженцев с Украины и России. Внешний вид городов уже во многом напоминает голод 1921—22 г.г.

— Анализ шлихов с рек Кубани и Урупа (в окрестностях Эрмель-Хабль), произведенный Краевым научно-исследовательским институтом в Ростове н/Д, показал наличие в них золота, а также минералов, содержащих цирконий, титан, литий и др. редкие металлы. Изучение шлихов из участка между Большой и Малой Лабой показало значительное содержание в них сернистой ртути (киновари).

— 21 мая в Малгобеке из скважины № 13 ударил мощный фонтан нефти. Суточный дебит фонтана 500—600 тонн. Это первый фонтан такой мощности в названном молодом районе.

— В Дагестане закончена постройка шоссейной дороги, соединяющей Ахацух с аулом Гиценталь. Протяжение дороги — 67 клм. Дорога построена исключительно руками и средствами местного населения в порядке „добровольных"— „трудовой повинности" и „самообложения".

— Географический институт при Грузинском государственном университете заканчивает работу по составлению географического атласа Грузии. Атлас будет содержать отделы: административный (советский админ. передел Грузии), климатический, гидрологический, растительных зон, почвенный и т. д. Редактировать атлас будет проф. А. Джавахишвили. Часть тиража будет выпущена на грузинском языке, часть — на русском.

— По постановлению „Закссовнаркома" журналы „Социалистическое хозяйство Закавказья" и „Техника и строительство" об'единяются в единый „политико-экономический журнал" — „Социалистическое хозяйство Закавказья". Ответственным редактором журнала утвержден „товарищ" Ильюшин.

БОРЩ — ЧИСТЕЙШАЯ ВОДА, НА ВТОРОЕ — ЯБЛОЧНЫЙ СОК

В „Грозн. раб." от 20-V-34 группа студентов-чеченцев жалуется следующим образом:

„В асланбековском сельхозполитехникуме творятся безобразия. Дирекция об улучшении жизни и учебы студентов не беспокоится. Студенты живут плохо. В баню ходят раз в месяц, и то за несколько километров — в Серноводск. Стирка белья не производится по целому месяцу, из-за отсутствия мыла, как об'ясняет администрация.

Сапожная мастерская плохо обслуживает студентов. Завхоз Арсанукаев только обещает: „Пойду в контору или когда буду там, тогда дам справку на починку обуви".

Столовая грязная, обеды скверные, борщ — чистейшая вода. На второе — яблочный сок. На ужин и завтрак подаются вонючие огурцы, которые в пищу употреблять нельзя.

Вот уже две недели студенты получают чуреки, а плановые 600 грамм хлеба неизвестно куда употребляются. Студентам недодается по 100—300 грамм хлеба. 13 мая, например, вместо 600 грамм выдали по 500 гр. 14 мая половина студентов получила по 300 гр., а 15 мая получили только 200 грамм.

В техникуме есть 17 дойных коров, а вот масла, молока, сыра — в столовой не бывает. Не созданы условия и специалистам. Преподаватели превращены в заготовителей продуктов и поваров.

Все эти недочеты техникума дают явный отпечаток на качестве учебы".

Читатель может вообразить себе — до каких „достижений" довела советская власть порабощенное ею население, если даже студенты „сельхозполитехникума", имеющего собственное „образцовое хозяйство", вынуждены есть на обед: борщ — чистейшую воду и... яблочный сок вместо нормального мясного блюда.

MECMUANIN KAPAĞINDAKİ RESMİN ORİJİNALİ RESSAM - GRAFIK STANİSLAV OSTOY - HROSTOVSKİ TARAFINDAN MAHAİL BILİN'LE MÜŞTEREKEN TAHTA ÜZERİNDE YAPILMIŞTIR.

ОРИГИНАЛ РИСУНКА НА ОБЛОЖКЕ НАШЕГО ЖУРНАЛА ИСПОЛНЕН НА ДЕРЕВЕ ХУДОЖНИКОМ - ГРАФИКОМ Г. СТАНИСЛАВОМ ОСТОЯ - ХРОСТОВСКИМ В СОТРУДНИЧЕСТВЕ С Г. МИХАИЛОМ БЫЛИНОЙ.

Mecmuanın müdürü: BARASBI BAYTUĞAN — Редактор журнала: БАРАСБИ БАЙТУГАН

Müdürün adresi — Odyńca 35, Warszawa, Pologne — Адрес редактора

Mecmua idarehanesinin adresi — 1, Square Léon Guillot, Paris (15), France — Адрес администрации журнала

Zakł. Gr. F. Szweda Warecka 9.